

Н.В. ЗАХАРОВ

АВАНТЮРИСТЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров

Авантюристы. Книга 3

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Авантюристы. Книга 3 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Повествованием охвачены события века 20-го, /ЛИХОГО/ для нашего ОТЕЧЕСТВА, и не менее /ЛИХИХ/ предыдущих и последующих веков. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

– Слышишь, Сергей, пищит на пределе, неужели нашли? Интересно весь комплект или только Леонардов здесь?

Сергей поправил капюшон, спадающий на глаза и, пожал молча плечами. Уже пять лет они мотались с Михаилом по городам и весям всей Европы в погоне за этими проклятыми СТНами и результаты были удивительно безрезультативными. Складывалось впечатление, что идет эдакая игра в «кошки-мышки» вневременная. В голове у Сергея пронеслись воспоминания о неудачных предыдущих командировках, заканчивавшихся, как правило, тупиком. Единственным достижением за эти годы стало то, что им удалось расширить радиус действия металлодетектора и, сейчас он устойчиво показывал расстояние в пять км. Не ориентируя, к сожалению, по сторонам света и теперь им предстояло обнаружить «эпицентр», сужая круги. Однажды, в начале шестнадцатого века, они так же запеленговали сигнал, проезжая через Милан, но там сигнал пропал неожиданно и покрытый аномальными пятнами город надолго остался в поле их внимания. И вот наконец-то удача улыбнулась им снова. В своем родном времени шел уже 2003-ий год и пацаны Михаила пошли в первый класс, а Аннушка уже родила Сергею двоих и собралась обрадовать третьим. Старшая дочка, которую Сергей, невзирая на возражение супруги, назвал также Анютой, нянчилась с младшим братишкой Ванюшкой и Сергей улыбнулся, вспомнив свое семейство. Не правда, что счастье, как здоровье и что когда «оно есть, то его не замечаешь». Сергей был счастлив и чувствовал это. Хотелось чтобы всем тоже было хорошо, и он на удивление всем родным и знакомым, стал менее требователен к людям. Смотрел на них иногда с сожалением и жалостью, но давно уже совершенно незлобиво. Даже характер изменился. «Шило в заднице». Похоже, перестало таковым быть. «Вынули».

– Как ты думаешь, у кого ларец?– Михаил спешил у проселочной дороги, по которой крестьяне срочно подгоняли Армии Кутузова провизию. Лошади шли одна за другой, упираясь мордами во впереди едущие телеги и промежутки между ними не позволяли пересечь ее. Дорога вилась по опушке леса и огромное поле, свежескошенное, упиралось в нее, стремясь перескочить и уползти в лес. Заросли малины стояли плотной стеной, покрытые пылью и ягоды перезревшие, валялись с ветвей от щелчков кнутами и грохота колес. Михаил отошел в поле и присел на стерню, вытянув ноги. Полдня проведенные в седле, даже в «допотопном», давали о себе знать. Мышцы сводило судорогой от усталости, и Михаил принялся снимать берцы, задрав подол рясы.

– Перекур? – Сергей присел рядом и развалился, облокотясь на руку. – Чай, кофе, танцы?– привычно сдохмил он.

– Чай и покрепче, пожалуйста,– привычно отмахнулся Михаил.

– Может быть, тебе еще вскипятить и сахару насыпать?– Опять выдал дежурную шутку Сергей и закурил сигарету. Бросать курить он не собирался ни под каким видом. Даже от «перстов» отказался: – Прижмет, сам брошу. А пока «не учите меня жить»,– заявил он как-то и поставил точку на антитабачной кампании, направленной против него. Как ни странно, его поддержала супруга, заявившая, что если он бросит курить, то она бросит его.

– Это как прикажете вас, сударыня, понимать?– даже Сергей опешил.

– Я прочитала в книжице, что если от мужчины не пахнет табаком, то от него пахнет козлом,– заявила Аннушка, вогнав всех не курящих в краску. – Ой,– опомнилась она. – Я чего хотела сказать, что те, кто сроду не курит они конечно уже наловчились без табаку и от них козлами совсем не пахнет. А те, кто бросает курить, те непременно первое время пахнут.

– Мы не Козлы – Козлы не Мы!– гордо стукнул себя в грудь Сергей, вогнав теперь уже в краску Аннушку, которая совсем запуталась и принялась сбивчиво извиняться.

– Не парься, Ань,– успокоил ее Михаил.– Ну «козлы» – эка невидаль. И похуже бывало. Вон на Куликовом, ты бы понюхала, чем от людей пахло. Сергей до сих пор бледнеет, когда вспоминает. А Непрядва два дня еще текла рыжая от крови и этого самого. Ну, припахиваем слегка, конечно табак куда как завлекательнее нюхать.

– Ну, вас!– совсем сделалась красной как мак Аннушка и выскочила пулей из гостиной на кухню, загремев там посудой в раковине.

Сергей выпустил клуб дыма и полез в чересседельную сумку за термосом с чаем. Жизнь походная ему нравилась тем, что из нее он с удовольствием возвращался домой, где его ждали. Дочка повисала на шее с визгом таким оглушительным, что соседи за стенками вздрагивали и улыбались, сообразив, что это опять Руковишников из командировки вернулся. Возвращаться же сразу после ухода, как показала многолетняя практика, не рекомендовалось и когда они нашли такой параграф в одной из инструкций, то долго придирчиво изучали его, пытаясь понять мозгами людей из века двадцатого, логику людей «допотопных». Причина оказалась банальной и для всех времен актуальной. Понижался иммунитет и собственные биочасы организма могли, сбившись с ритма, сделать неожиданный скачок, путаясь во временных коллизиях. Впервые об этом задумался Сергей, получив целую прядь седых волос. Затем еще несколько резких складок носогубовых, внезапно возникших, заставили заинтересоваться этой проблемой и изучить ее, что называется вглубь. Параграф предписывал жить по возможности без «скачков», соблюдая жизненное время с реально прожитым. В этом случае гарантировалось, что организм вполне сносно будет переносить, «временные встряски». Решили соблюдать и, теперь один день в командировке соответствовал дню в реальной жизни. Безалаберное отношение к времени в прошлом закончилось, началось внимательное.

Мимо скрипели, тарахтя телеги и возницы, покрикивая на лошадей, шли рядом, облегчая участь лошадеенок. Два монаха сидели с кружками в руках и пили чай, поглядывая на запад, откуда подтягивалась к Бородинскому полю Великая Армия Императора Наполеона.

– Скорее всего, что ларчик у Бонапарта. Как уж он к нему попал не известно, но Он там главный, стало быть, у него и есть,– высказал свое мнение Сергей.

– Что предпримем? В смысле изымать будем когда? До битвы или после?– Михаил с удовольствием вытянул босые ноги и, заложив руки за голову, уставился в бездонное небо. Сергей тоже прилег, положив голову ему на живот и покусывая травинку, пробурчал сонным голосом:

– А мне без разницы. Скоро ополчение Московское должно мимо пропылить. А там наши кадеты. Павлович все рвался в бой. Багратиона, говорит, грудью прикрою. Все Лермонтова цитировал, «И молвил он, сверкнув очами. Робяты, не Москва ль за нами...».

– Положим мужиков,– вздохнул Михаил.

– Что значит положим? Они сами бы ушли и без нас, толпой поперли. Кутузов, конечно, ополченцев в расчет не принимает, считая их толпой необученной. Это потому что он не видел, как они рубятся. Наш полк десятка стоит. Жаль, что тактика нынешняя не позволяет в окопы зарыться. Сколько народу зря поляжет от пушечных ядер,– вздохнул и Сергей.– Я Павловичу посоветовал во втором эшелоне, в кустах отсидеться, пока французы не вломятся и рукопашная не начнется. Вот тогда пальбы будет минимум пушечной и наш полк в самый раз, будет кстати. Дадут прикурить басурманам. Я им наши сабли выдал,– признался он.– Обалдели все, когда попробовали. Спят в обнимку, из рук не выпускают, даже когда по нужде идут.

– Да ты что? Они же всю армию Наполеонову в капусту покрошат,– всполошился Михаил.

– Сейчас «покрошат». Во-первых, там тоже не пацаны сопливые и рубятся, будь здоров, а во-вторых парни не из железа. Вспомни.– «Рука бойца колоть устала...» . Это тебе «не крестиком вышивать». Так намахаешься... Пуля дурра, опять же. А инфантерия французская знаешь как «ломит» в штыки? Тут сабелькой хрен остановишь. Они же еще и стреляют супостаты,

прежде чем «ломить». Сколько наших положат парней, пока до сабельной схватки дойдет? Сабля хороша, когда конно, а пеше она не столь эффективна. В «Завесах» если бы были,— вздохнул Сергей с сожалением.

— Тебе волю дай так ты бы им еще и «Рапиры» выдал,— Михаил скосил на Сергея глаза.— Жалко конечно ребят, но раз решение приняли не вмешиваться в исторический процесс, значит, будем его выполнять. Ты уже условия нарушил, как будешь потом сабли обратно изымать? По полю скакать с детектором? Сколько их уйдет с французами в виде трофеев? Хорошая вещь долго не залежится. Еще аукнется нам твоя жалость,— проворчал он, приподнимаясь и стряхивая голову Сергея со своего живота.— Ишь, разлегся, как на подушке. Как дам больно! Поехали к Наполеону в гости. Здесь за своих сойдем, а для французишек за ихних, как—нибудь проканаем.

Деревушка Бородино осталась позади и никому казалось особенно-то и дела не было до двух монахов, проехавших через нее и направившихся в сторону французов.

Русский авангард сдерживал подходящие французские корпуса, закрепившись в деревне Шевардино. На скорую руку редуты возвели и защищали гренадеры генерала Горчакова А.И. Двенадцать тысяч человек, встали на пути Великой армии и торчали костью в горле, позволяя главным силам организовать оборону у дер. Семеновское. Корпус маршала Даву попытался сходу выбить русских из Шевардинских редутов, но получив встречную контратаку, в которой русские в штыковой рукопашной, перекололи несколько полков Понятовского, заставив маршала отнестись к редутам серьезно и попытаться обойти их с флангов. Русские дрались практически окруженные с трех сторон и, пока их спасало только мужество и растянувшиеся обозы французов с артиллерией и боеприпасами. Бросив против 12-ти тысяч 35-ть маршал Даву с удивлением наблюдал, как русские батальоны, сверкая штыками, вламываются в его конницу и опрокидывают ее, неся страшные потери, но не уступая ни пяди. Под треск барабанов, с развевающимися знаменами, русские шли умирать и этот «молох» казался неуязвим, когда смыкая ряды, перешагивал через убитых.

Подтянувшаяся артиллерия французов спешно открыла огонь по обнаглевшим русским, заставив их откатиться в Шевардино, но выбить их оттуда так и не удалось. Они ушли, когда солнце упало за верхушки деревьев, унося с собой убитых и раненых.

Бонапарт разместил штаб своей Армии в деревушке Фимкино, и выехал в сторону Бородино, в сопровождении Старой гвардии. Император, не любивший ездить верхом, вынужден был пересест в седло, русские дороги и пушки, гремящие в районе деревни Шевардино, не располагали к езде с удобствами. Проведенная рекогносцировка вполне удовлетворила Наполеона-I-го. Он увидел то, что хотел. Понял ход мысли обороняющегося неприятеля и боялся теперь только одного, как бы Кутузов опять не сорвался отступать, уводя армию от битвы. План предстоящей битвы уже выстроился в голове у Бонапарта и в разные стороны поскакали вестовые с его письменными приказами, поспешно зашифрованными писарями. Наполеон стягивал армию в центр, собираясь нанести удар всей армией там и опрокинув русских, уничтожить, прижав к Москве реке у деревушки со смешным названием Бородино.

В Фимкино Михаил с Сергеем въехали в два часа после полудня и, расспросив довольно бесцеремонно пару встречных офицеров-гвардейцев, спешащих неизвестно куда и пытающихся отмахнуться от назойливых монахов с их расспросами, все же определились с местом где «засел» Генштаб Императора. Начальник его Маршал Бертье выбрал избу побротнее и повместительнее, впрочем, по снующим туда-сюда вестовым, можно было уже и без посторонней подсказки определиться с местом расположения штаба. Суета была изрядной. По единственной улочке, сворачивая корявые плетни, двигалась артиллерия Великой армии. Лошади хрипели, нещадно погоняемые ездовыми, а прислуга артиллерийская, шагала рядом, глотая пыль и помогая на колдобинах, и подъемах взмыленным лошадям. Стоял гвалт на всех языках Европы и эскадрон жандармов метался вдоль дороги, наводя порядок. Однако суета эта

была правильно организованной и, пересекая деревушку, каждый полк и батальон уже знал четко свою задачу на ближайшие сутки, растекаясь в нужных направлениях. Шевардинские редуты, огрызались и мешали выполнять приказы Императора о занятии назначенных рубежей. Поэтому артиллерия срочно распрягалась, разворачивалась и палила картечью по деревне, наращивая плотность огня. Русские пушки отвечали вяло. Их на редутах было установлено всего штук тридцать и, боезапас у них был ограничен ввиду временной задачи и намерения командования оставить рубеж, когда возможности далее его удерживать более не будет, в связи с превосходящими силами противника.

– Голубчик, удержи Бонапартия сколь сможешь, – попросил Горчакова Кутузов. – Нам каждый час нынче кровью солдатиков оплатится. Редуты Семеновские вишь ли, совсем не готовы. Уж и ополчение брошено на земляные рвы, а не поспеваем. Навалится француз и все впустую. Не дай им выйти на оперативный простор, князь.

– Стоять насмерть будем, – вытянулся генерал-лейтенант Горчаков и Кутузов досадливо сморщившись, вытер платочком выбежавшую из-под повязки слезу.

– Эко ты братец! Да пошто насмерть-то? Стой пока сможешь, да уведи полки. Наполеону тоже время, голубчик, надобно, чтобы армию из походного порядка перестроить. Вот перестроению и помешай. Воспрепятствуй. Пока они поймут, что бой Арьергадный, оно глядишь время и выиграем. Им ведь еще пушчонки пристрелять надобно, а наши уже по местам стоят и канониры шагами все вымеряли.

Шевардинский редут, перегородил проход и оперативное развертывание французов замедлилось. Лесные речушки и овраги не позволяли обойти редут коннице маршала Даву и французы вынуждены были наступать в лоб, неся потери от залпов и штыковых встречных ударов дивизий Горчакова. Инфантерия французская, утомленная маршем, медленно просачивалась с флангов редута, накапливаясь в редколесье и готовясь ударить, но умирать не спешила. Маршал Даву, пустил на редуты два конных полка польских уланов, которым удалось вломиться в оборону русских и даже вырубить артиллерийскую прислугу у орудий. Пушки со шляхетской лихостью, попытались скинуть с брустверов, но тут подоспевшее к русским подкрепление в виде полка пехотного, с какой-то легкостью невероятной вырубил поляков, нашинковав их, вместе с лошадьми за пять минут, в кровавую кашу. Московский полк ополчения, занял места у орудий и методично начал выбивать конницу маршала картечной пальбой.

– Дьявол, что за инфантерия у этих русских? – нервничал маршал, наблюдая в подзорную трубу, как одетые в зеленые мундиры солдатики неприятеля шустро режут поляков и вышвыривают их штыками из седел. Залпы же фузейные наносили ущерб также изрядный и убитый рядом с маршалом адъютант, сполз из седла на землю, схватившись за живот и не успев ответить на риторический вопрос.

– Артиллеристы, что вы там копошитесь, как беременные? – Заорал маршал, подгоняя пушкарей. – Учитесь у русских. Вот как нужно стрелять, – махнул он рукой в сторону Шевардинского редута.

Артиллеристы засуетились живее, и редуты накрыло картечными разрывами, выкашивая защитников. Однако и русские не стали ждать, пока их там перебьют как перепелок, а выстроившись каре, двинулись с барабанным боем и, развернутыми знаменами, уходя из-под огня и, сея панику фронтальным ударом.

– Что они делают? – воскликнул удивленно маршал. – Это же на пять минут моему корпусу. Идиоты!

А «идиоты» уже бежали ломаными рядами и рубили его уланов и драгун, пробиваясь к артиллерийским позициям. Прошли, как нож сквозь масло и, выбив напрочь артиллерийскую прислугу, законопатив три десятка пушек, отошли, огрызаясь, ружейными залпами. Зеленые мундиры остались на артиллерийских позициях, вперемишку с пестрыми французскими. И маршал, подъехав, склонился в седле, рассматривая необычное для его глаз обмундирование.

Молоденький парнишка, заколотый штыком, лежал, подогнув ноги и сжав в руке саблю. Губы его расплзлись в радостной улыбке, как будто он не умереть пришел сюда, а погулять на свадьбе.

Глава 2

– Они там, что все такие? Вся армия этого Циклопа?– Даву скривился зло и продолжил:– Этот гренадер тут человек десять зарубил, пока его не уgomонили штыком, – и махнул рукой, подзывая к себе капитана артиллериста.

– Усильте плотность обстрела, не давайте им высунуться. Полчаса даю на то, чтобы замолчали русские пушки. Мсье Понятовский, обойдите их с левого фланга. Ударите сразу после прекращения артобстрела. Фронтальные атаки бессмысленны. Нам не нужны такие потери. Мои кавалеристы привыкли рубиться в конном строю, а не в пешем. Выполняйте,– однако, и фланговые атаки были отбиты с потерями такими, что генерал Понятовский буквально взвыл, схватившись за голову. Он потерял уже до четверти своих солдат, но не смог продвинуться ни на шаг. Поле было усеяно убитыми и ползущими ранеными.

Прискакавший вестовой из штаба Армии, передал маршалу, что Император требует его к себе немедленно и Даву Луи Николя – герцог и граф, еще раз взглянув в сторону Шевардинского редута, распорядился:

– Вернись через час и чтобы к этому времени духу здесь этих русских не было. Марш. Вышвырните этого генерала Горчакова к чертовой матери, а деревушку раскатайте по бревнам. Не жалейте ядер,– сплюнул зло и ускакал в Фомкино.

Император был недоволен, он сидел в походном кресле, положив ногу на барабан и скрестив руки на груди. Закусив губу, Наполеон прислушивался к канонаде и, увидев подъехавшего маршала Даву, скривился в саркастической усмешке.

– Что, Герцог Ауэрштедский, Кутузов Арьергардный бой навязал, да столь баталия приключилась изрядная, что и корпуса мало?

– Ваше Величество, на Шевардинских редутах Гвардия не иначе русская. Лучшие там. Они и в мундиры одеты не как все прочие, особенные. Я таких еще не видывал, – начал оправдываться Даву.

– Там две дивизии генерал-лейтенанта Горчакова. Бывшего флигель-адъютанта Императора Павла-I. Мальчишка несмышленный и безрассудный. Храбр, но стратег никакой. Луи, там десять тысяч человек, против твоего корпуса. Стыдись. Ты понимаешь, что нам необходимо развернуть Армию и занять намеченные рубежи? Этот Горчаков, как заноза в заднице. Не принимаю никаких извинений, мсье. Извольте немедленно выбить неприятеля из этой деревушки,– Наполеон, ударил каблуком по барабану, ставя точку в разговоре и тот гулко отозвался пустым нутром.

Французы усилили артобстрел за счет прибывающей в походных колоннах артиллерии и деревня Шевардино, перепаханная ядрами, заполыхала оставшимися постройками.

Однако очередную кавалерийскую атаку русские опять с легкостью необыкновенной отбили, встречным молодецким ударом и, смяв наступающие колонны, опять ворвались на батареи французов, вырезая артиллеристов. Приведя несколько десятков пушек в полную негодность, не спеша отошли, дружно отстреливаясь, деловито, будто выполняли повседневную работу. Так же деловито перекололи ударивших с флангов пару полков инфантерии и даже наглецы, на виду у всего корпуса, принялись что-то там жевать, рассевшись по-домашнему.

Маршал Даву был вне себя: – Что они там о себе возомнили? Добавить картечи. Мсье Понятовский, ваши гренaдеры меня разочаровали. Жерар, Дюк. С барабанным боем. Вперед! На вас смотрит Император! Позор! – завыли опять орудия и Шевардино заволокло дымом и пылью. И когда из перепаханной ядрами земли, навстречу французам опять поднялись эти зеленые мундиры, яростно скалясь, Даву невольно перекрестился:

– Тысяча чертей им в глотку, – бормотал он, наблюдая, как рубят его корпус, заваливая поле трупами Горчаковцы и перепрыгивая через них, гонят бегущих в панике поляков пана Понятовского.

– Еще одна такая атака и впору будет просить подкрепление, – пробормотал маршал, скривившись и наблюдая в подзорную трубу за контратакой. Русские опять отошли на исходные рубежи, уводя раненых и унося убитых, а французам пришлось заняться перегруппировкой. Ошеломленные и деморализованные, ползли с поля оставшиеся в живых увечные и ржали раненые лошади, отчаянно с визгом. Потери были немыслимые. Такой мясорубки Даву не приходилось видеть еще ни разу за всю свою военную, долгую карьеру. Страх заледенил души, когда «зеленые мундиры» вернувшись на исходную, продолжили прерванную трапезу, с хладнокровием поистине сатанинским. Разливали кипяток по кружкам. Даву даже рот открыл от изумления, наблюдая за их действиями.

Солнце уже склонялось к закату, когда французы решились еще на одну атаку, как положено с барабанным треском и знаменами. И им удалось ворваться в деревушку, в которой, среди обуглившихся остовов домов, началась сеча отчаянная и страшная. Русские и французы перемешались, и эта рукопашная схватка, своей остервенелостью, надолго запомнилась оставшимся в живых. На всю оставшуюся жизнь. Их немного осталось этих счастливых из тех, кто ворвался в проклятую деревню.

У Даву тряслись руки, когда он наблюдал за этим боем. Его гренадеров резали, как свиней. Рубили пополам, вспарывали животы. И дрогнувших, гнали, уничтожая сотнями в минуту. Выкосили, как траву. От двух полнокровных полков, чудом вышло из деревушки сгоревшей, едва ли десятая часть. Ночь, упавшая на лес, поле и деревню, спасла французов от позора, а русских от окончательного истребления. Уходили в сторону Утицы. Прибывшие обозники, загрузили тела павших и тяжелораненых в телеги и Горчаковцы, едва волоча ноги от усталости и потери крови, ушли, оставив о себе неизгладимое впечатление у французов. У всей Европы. Полк ополченцев, со своим командиром полковником Соболевым, уходил последним. От него осталась едва треть и Петр Павлович, вымотавшийся за день, всматривался в лица проходивших мимо парней. Ранены были все. Многие тяжело, но убитые, которых не вернуть, стояли перед его глазами. Их лица, суровые и непреклонные, смотрели ему в душу, будто спрашивая. – «Зря мы, или нет, сложили здесь свои головы?» Силиверстович, командовавший первым батальоном, от которого осталась разве что по количеству рота, стоял рядом, оперевшись на саблю в ножнах, как на трость и вздыхал:

– Каких парней положили, – простонал он и смахнул набежавшую слезу.

– Дали зато мусьям по сопатке, – возразил ему кто-то из раненых с телеги, проезжающей мимо. Голос был слабый, но прозвучавшая в нем гордость, наполняла его силой и уверенностью, что нет «Не зря».

Когда Бонапарту доложили, с какими потерями удалось взять Шевардино, то он даже сначала подумал, что ослышался и переспросил: – Сколько составила убыль личного состава корпуса? – и услышав число потерь вторично, спросил: – Пленные есть?

– Нет, Ваше Величество. Взять не удалось. Они даже убитых своих постарались унести. Всего несколько трупов осталось.

– Непонятный фанатизм! Ведь рабы! Мы свободные, а они рабы. Откуда такая сила Духа? Зачем? – свита промолчала, каждый думал о том же. Вот именно «зачем»? Зачем они приперлись за тысячи верст в эту лапотную Россию и прутся дальше с настойчивостью одержимых?

Всю следующую ночь Бонапарт не спал, планируя дальнейшие действия Армии с начальником штаба маршалом Бертье. Герцог Валанженский, Князь Невштательский, Князь Ваграмский – Бертье Луи Александр – ученый и педант привычно сыпал номерами корпусов, докладывая Императору их численность, боеготовность и месторасположение.

– Как думаешь, Луи, чего нам будет стоить это сражение?– спросил Наполеон под утро, склонившись над картой, разложенной на раскладных столах. Несколько массивных подсвечников, прижимали ее края, освещая колеблющимся пламенем свечей.

– Если командующий русской армией соизволит дать бой и не отступит далее к Москве, то это будет стоить нам половины личного состава, Ваше Величество. Луи Александр Бертье привык говорить, то, что думает, когда дело касалось Армии.

– Сомнительные перспективы, Бертье,– Наполеон снял треуголку и швырнул ее на стол. – Все идет не так, как я задумал. Если русские будут драться так, как они это продемонстрировали сегодня, то ваш прогноз может оказаться весьма оптимистичным. Пиррова победа – вот что нас ждет. За спиной у русских Москва, а до Парижа, Бертье...

– Вы бы прилегли и вздремнули несколько часов, Ваше Величество. Сегодня будет очень суетный день,– набрался смелости дать совет Бертье.

– Непременно,– Наполеон потер подбородок, взял треуголку и, нахлобучив ее на голову, вышел не попрощавшись. Следом за ним выскочил Франсуа Жозеф Лефевр – начальник Старой гвардии, отвечающий за личную безопасность Императора. Почетный маршал Франции и как положено Герцог и Граф Данцингский был малограмотен и из разговора начальника штаба и Бонапарта понял только одно, что ему следует усилить бдительность.

А рядом с Фомкино – в деревушке Валуево заночевали два монаха, приведенные сюда сигналом металлодетектора. Сомнений не было – «эпицентр» был здесь. Временно дислоцирующаяся рядом с деревней дивизия карабинеров, растащив несколько избенок, готовила себе ужин и, расположившись у костров, с шумом и гамом делилась впечатлениями прошедшего дня, запивая солдатский паек трофейным вином, вытасненным из подвала местного помещика-барина. Черпали из бочек, чем придется, пользуясь тем, что офицерам сегодня было плевать на дисциплину и субординацию. Какой-то кавалерист предприимчивый, тащил деревянную бадью литров на двадцать, полную халявного вина, мимо монахов. Видимо к своему лежищу, чтобы порадовать товарищей по оружию.

– Вот оно боевое братство в действии,– кивнул Сергей на француза-кавалериста.– Мог бы сам нажраться втихаря и залечь в кустах свиньей, нет, прет на всех. Молодец. Интересно кто у них тут главный? Кстати, сигнал пропал. Дырка что ли аномальная?

– Сейчас узнаем, кто тут главный,– Михаил схватил за рукав пробегающего мимо с котелком в руке артиллериста.– Эй, Жан, стой. Скажи-ка, дядя, чья тут дивизия гадит в лесу?

– Француз попытался выдернуть рукав, но это у него не получилось и он, повернув в сторону монаха любопытного усатое лицо, рявкнул возмущенно:

– Отцепись, пока шею не свернул, как куренку. Шляетесь тут,– и схватился рукой за рукоять табельного палаша, болтающегося сбоку.

– Ты, что, Жан, белены русской объелся?– Михаил слегка потрепал артиллериста, приводя его в чувство.– Скажи, кто командир вашей банды и вали себе дальше.

– Мишель Ней, слышал?– француз оглянулся по сторонам, вцепившись в котелок и оставив попытку к сопротивлению. Рука монаха оказалась цепкой и сильной.

– Это который Герцог Эльхингенский?– Михаил снова потряс артиллериста, заставляя его подпрыгивать на месте и тот ответил, зло лязгая зубами:

– Он самый. Наш парень. Таскал свой жезл маршальский в ранце, пока Император не скомандовал достать его оттуда.

– И где сидит этот парень? Нам он нужен дозарезу,– потряс Михаил опять француза.

– Там его шатер,– махнул артиллерист рукой с котелком в западном направлении, вываливая содержимое себе под ноги и свирепея не на шутку.

– Извини, Жан. Мы возместим ущерб. Хочешь жареную курицу и бутылку русского пойла, которое они называют водкой?– Михаил тряхнул француза перестал и тот рявкнул:

– Хочу, святой отец, чтоб мне картечью подавиться, если откажусь, черт бы меня тогда подрал со всеми моими потрохами.

– Серж, дай ему курицу, – Михаил сунул в руки рассерженному артиллеристу бутылку пятилитровую, зеленого стекла и тот радостно охнув, вцепился в нее обеими руками, отбросив котелок в кусты.

– Смотри осторожнее с этим питьем, Жан. Очень крепкая. С ног валит не хуже картечи, – предупредил Михаил артиллериста, но тот уже мчался в сторону костра, сжимая в объятьях бутылку и сверток бумажный с курицей, которая по размерам своим оказалась с хорошего гуся. У костра его встретили радостными криками, и водка потекла по солдатским кружкам, а курица мгновенно была разорвана в клочья. На костре жарилась трофейная свинья, на импровизированном вертеле и повар-доброволец вертел тушу, подбрасывая в нужные места веток. Именно он первый и хлебнул из кружки, протянутой ему заботливыми товарищами. Думая, что это опять кислятина из бочки, которую здесь почему то называют ошибочно вином, он маханул, не понюхав содержимое и замер, вытаращив глаза. Следом за ним выпили и остальные и гогот у костра смолк. Французы сидели, открыв рты и тараща друг на друга.

– Это, что ты припер, Жан? – простонал, наконец, «повар», сумев вдохнуть воздух.

– Водка, монахи угостили. Сказали, что русский любимый напиток, – Жан понюхал содержимое своей кружки, которую сжимал в руке.

– На змеиный яд похоже, вон уже и в желудке припекло, – простонал «повар».

– Успокойся, Николя, приходилось мне уже пробовать этот напиток. Нормально когда печет, – один из артиллеристов, принялся срезать поджарившуюся бочину, у оставшегося без присмотра поросенка и жир закапал, шипя на горящие поленья.

– Только много ее лучше не пить. Коварная зараза, как эти русские гады. Заманили вглубь своей России, деревни свои поразорили, жрать скоро будет нечего, – ворчал второй артиллерист, обгрызая куриную ногу. – Чтобы эту дрянь пить, привычка нужна и закуска хорошая. Сами-то русские пьют ее литрами. Им для аппетита каждый день по чарке выдают. Жрут в три горла, повоюй-ка вот с ними, – продолжал он ворчать и, отшвырнув в сторону кость, отхватил здоровенный кусок мяса палашом. К костру подошел командир батареи, лейтенант и, принявшись, спросил: – Не содрал шкуру жарите, идиоты?

– Так, когда ее было обдирать, мсье лейтенант? – вскочил со своего места рядовой Жан. – Присаживайтесь с нами, мсье. Отведайте солдатской пищи.

– Налей-ка вина мсье лейтенанту, Жан. Устал пади за день. Наши-то два орудия русские то ли утащили, то ли разобрали на части. Очень, наверное, мсье капитан недоволен.

– Недоволен, – вздохнул лейтенант. – Да он зол, как тысяча чертей. Эти-то ворвались в мундирах зеленых и в две секунды забили стволы, какой-то гадостью. Такая дрянь липкая и черная вроде дегтя, только погуще. Ну, ничем ее потом из стволов не выковырять.

– А вы, мсье лейтенант, где были, когда эти русские в зеленом на батарею ворвались? – поинтересовался Жан, наливая лейтенанту водки полную кружку.

– Контузило меня, сзади чем-то, шарахнуло по затылку, у лафета лежал и только круги перед глазами разноцветные видел. Слышал, правда, все хорошо. Один гад там все орал. – «Быстро, быстро, гудронь». Наверное, ругал за нерасторопность, а потом мне опять как дали по голове банником и тут уж я и слышать ничего уже не мог. Очнулся, смотрю, плохо дело. Из стволов пушечных, гадость эта чернеет, а прислуга орудийная с животами вспоротыми лежит. Там, сям... – лейтенант потряс головой и залпом опрокинул в себя кружку водки. Дошло до него, что вино очень крепкое, когда уже проглотил половину содержимого и, дернувшись, оторвался от посуды, уставившись на нее глазами полными слез.

– Это русская водка, мсье. Пейте смело, – Жан сунул в руку лейтенанта кусок курицы и тот принялся жевать мясо, размазывая слезы по лицу рукавом. – Дьявол, как они такое могут пить?

А через десять минут галдеж у костра возобновился с новой силой. Громче всех орал лейтенант пьяный вдрызг.

– Я ему хрясь по роже, а он мне хрясь по затылку, а я ему хрясь... Наливай, Жан, там вроде еще плещется,– лейтенант схватился за бутылку и потянул ее к себе. Зажатая между колен у рядового бутылка выскальзывала из потной ладони, и лейтенант потянулся к ней второй рукой, но равновесие не удержав, чуть не свалился в костер и подхваченный артиллеристами был усажен на свое место. Водки ему налили и даже кусок прокопченного и почти сырого мяса сунули в протянутую руку.

Лейтенант высосал очередную порцию водки и принялся яростно грызть сырую свинину, урча от усердия.

– Вот видишь, нормальные мужики, сейчас морды начнут друг другу чистить.– Сергей отвернулся от костра и ткнул пальцем в сторону шатра маршальского.– Нам туда вроде. Поговорим о спасении души с твоим тезкой? Кем он там был, пока маршальский жезл у себя в ранце не обнаружил?

– Из крестьян Герцог. Наполеон будто издевается над родовитыми вельможами. Раздавая титулы, налево и направо безродным людям – из самого низа. А как быстро привыкают, просто поразительно и, спесь свежеиспеченных герцогов и князей, на порядок выше спеси князей и герцогов наследных. Вот уж действительно «Аристократия помойки». Замысел Бонапарта понятен. Эти люди пойдут с ним до конца, потому что им есть что терять. Теперь. И этим они обязаны лично ему.

Глава 3

Герцог Эльхингенский, свалился на походную кровать и начал уже засыпать, когда вошедший адъютант доложил ему, что какие-то монахи просят его принять их, по весьма неотложному делу. Дитя века восемнадцатого Мишель Ней был скорее уж атеистом и в Бога верил постольку поскольку, но генная память и вдолбленные родителями крестьянами постулаты, закрепились в его душе почтительным отношением к Церкви. Вольтера он не читал по вполне банальной причине. Не умел, но кое-что слышал и этого оказалось достаточно не имея перед глазами истинно верующих, а наоборот имея прямо противоположные образцы человеческого рода, плюнуть в свое время, на все что ему было сказано матушкой в сопливое, блаженное, в общем-то время. Однако к священникам и монахам он на всякий случай относился с почтением, рассуждая с крестьянской рассудительностью. – «А вдруг, мало ли», – мудрость сию Мишель пронес через все сражения, осеняя себя перед боем крестом, опять же, «На всякий случай» и запрещая своим подчиненным грабить русские храмы.

Маршал накинул мундир на плечи и буркнул: – Впусти.

Адъютант поставил на походный столик подсвечник и зажег пять свечей русскими спичками, которыми Москва буквально завалила всю Европу за последние пять лет. Два складных стула он придвинул к столику и вышел, козырнув.

– Прошу вас, мсье монахи, – услышал его голос снаружи маршал и в палатку вошли двое, шурясь на свет. Представившись, монахи уселись на предложенные стулья.

– Слушаю вас, – Маршал попытался, по лицам монахов угадать, что от него понадобилось слугам Божиим, но это ему не удалось, и он зябко передернул плечами. – Чем могу, так сказать...

– Прослышав о вашей беспримерной набожности в наш век всеобщего оскудения Веры, мы осмелились, мсье, засвидетельствовать вам свое искреннее восхищение, – начал один из монахов, приводя в изумление маршала. Никогда не считая себя набожным, он, услышав о том, что кто-то его таковым считает, не нашелся что сказать, только хмыкнул и принялся раскуривать трубку, услужливо поднесенную адъютантом.

– Франсуа, там у нас где-то завалялась парочка бутылок Бургундского, распорядись, – Маршал прошелся по шатру, выпуская клубы дыма и один из монахов последовал его примеру, раскурив «папиросу». Удивив маршала еще больше. Он слышал об этих новомодных выдумках англичан, но не думал, что и монахи приобщились к табакокурению.

– Вы и в монастыре дымите, святой отец? – любопытствовал маршал.

– Нет, выхожу за ворота. Настоятель попался не курящий, каналья, – улыбнулся монах и эта немудреная шутка вдруг привела Ней в самое благоприятное расположение духа.

– Мишель и Серж, – хмыкнул он добродушно, – не откажетесь от рюмочки Бургундского?

– Да мы и от кружечки не откажемся и даже коньячку, – опять грубо пошутил монах Серж, подмигивая по-свойски маршалу, совсем его развеселив.

– Коньяка нет, – расплылся в улыбке маршал. – Уж не обессудьте. Не запаса в достаточном количестве. Дорога была долгой, – посетовал он.

– У нас есть, – оживился второй монах Мишель и принялся метать на стол из солдатского ранца бутылки с мудреными этикетками. Маршал с любопытством принялся их рассматривать, недоуменно пожимая плечами. Таких, ему видеть не доводилось.

– Это что за рыло на бутылке? – поинтересовался он, ткнув пальцем в профиль Наполеона. – Где-то я это мурло видел.

– Это Император Франции Наполеон-I, – ответил Серж.

– Что-о-о-о! Да руку этому художнику отрубить за такой портрет. Не дай Бог, Сам увидит, – всполошился Маршал. – Немедля бумажку долой с посуды, – и не стал дожидаться,

когда выполняют его указание, содрал сам крепкими крестьянскими пальцами, привыкшими к тяжелой работе и рукояти сабли.— Вот так-то оно попрличнее будет. Бутыль и бутыль,— Мишель не церемонясь налил коньяк в кружки и понюхав, плеснул в рот.

— Жуткая гадость,— скривился он при этом и запил коньяк Бургундским.— Так что там про мою набожность вы, мсье, говорили?

— Мы из Аббатства Этталь, настоятель послал нас, чтобы мы разыскали похищенную в монастыре реликвию, которая находилась в нем со дня его основания,— монах Мишель склонил голову почтительно.— Мы идем за Великой Армией потому что след преступника ведет нас. Этот негодяй ушел на войну, унося в отличие от вас, мсье, в своем ранце не маршальский жезл, а церковную вещь, являющуюся собственностью обители нашей. Братия в скорби пребывает и молится Господу нашему об ее возвращении.

— Что за реликвия, как выглядит и кто этот негодяй, посмевавшийся ограбить монастырь?— Маршал искренне возмутился, потому что воров презирал и мародерство принимал только в виде военного грабежа — трофеев «взятых на шпагу».— Назовите имя и я прикажу привести каналью сюда, вместе с его барахлом.

— К сожалению, мы не знаем, как он назвал себя, вступив в Армию. Мы его знаем, как Гильона, но он мог назваться, как угодно. Не так ли? Этот мерзавец, лечился у нас в монастыре, получив ранение якобы в боях за Францию, и мы отнесли к нему, как к брату. А он...— монахи понуро склонили головы.— Но в лицо мы его знаем хорошо. Уж это-то он изменить не сможет.

— Я вас правильно понял. Вы хотите поискать эту шельму в моем корпусе, и я не вижу причин вам препятствовать в этом. Ссылайтесь на меня, святые отцы. И все же, как выглядит реликвия? Хотелось бы знать.

— Это кусочек мрамора, на который ступала нога нашего Господа. Зеленый кусок мрамора,— улыбнулся монах Серж, перекрестившись.

— Там что и след остался?— заинтересовался богобоязненный безбожник.

— След остался, но видят его только избранные отцы святые, по великой милости Божьей,— на голубом глазу заверил Серж и Мишель покосился на него с некоторым осуждением, видимо был против разглашения сей монастырской тайны.

— Цена ему грош в Миру, но неоценима сия реликвия в сердцах верующей братии,— произнес он тихо.— Печаль поселилась в их сердцах и уныние. Думают, что Господь оставил обитель за прегрешения наши.

— Ну, ну, святые отцы,— загудел сочувственно маршал.— Найдется ваша реликвия. Куда денется? Зачем же он ее спер?

— Очевидно, из пакостных свойств души падшей. А может сам дьявол вселился в нечестивца и повел его,— вздохнул монах Мишель.— Позвольте беспрепятственно перемещаться в местах дислокации вашего корпуса, мсье.

— Да сколько угодно ищите,— разрешил Мишель маршал.— Или вам бумага разрешительная нужна? И это распоряжусь выдать. Франсуа, разбуди там какую-нибудь крысу канцелярскую, пусть зайдет с пером и чернильницей. И бумагу не забудет пусть.

Через час монахи уже двигались по деревне Валуево имея на руках «Высочайшее распоряжение» с закорючкой маршала Франции Герцога Эльхингенского и будущего князя Московецкого Нея. Вот только сигнал пропал. Будто и не было его.

— Зараза,— Сергей разглядывал разрушенные избы, растащенные на костры и нужды Великой Армии.— Саранча. Блин. Им что дров мало в лесу? Половину деревни вообще спалили, а вторую половину раскатали на бревна.

— Спалили не французы. Французы наоборот тушили. Это ребята Багратиона приказ Кутузова выполняли, чтобы оккупантам неуютно было.

— Идиотизм,— проворчал Сергей.

– Ну, не скажи. Рациональное зерно тут есть. Армия-то Великая, значит, жрет много. Фуражирам французским приходится в глубинку заворачивать, а там их местное население не шибко привечает. Народ-то дикий и Вольтеровы идеи не понимает. Где уж ему. Оглоблей норовит по черепу врезать или вилы в бок воткнуть. Варвары.

– Хрен с ними со всеми. С тактикой этой поганой «выжженной земли». Делать-то что будем?

– Думаю, что нужно вокруг казны Армейской Бонапартовой покрутиться. Эти козлы очень золото обожают. А где оно?

– Правильно,— согласился Сергей.— Соображаешь иногда.

– Сам дурак. Нужно выяснить, где казначейство Армии,— Михаил выбрал костер поярче и направил Лерку к нему.

Вокруг костра расположилось человек пятьдесят кавалеристов. Они уже поужинали и большинство спало, устроив себе лежбища из подручных средств. Летнее, теплое время пока не давало повода, к сожалению, по поводу предпринятой Императором компании против России. Напротив, французы как никогда, были в прекрасном расположении духа. Место монахам предоставили вполне миролюбиво а, узнав, что они следуют за армией в поисках церковной утвари, похищенной мародером и, пользуются покровительством их маршала, прониклись искренним сочувствием и охотно подверглись расспросам.

– Армейская казна при штабе Армии под охраной Молодой гвардии,— выдал нужную информацию усатый драгун.— Император распорядился выдавать нам жалованье, для удобства, русскими ассигнациями, так что золота там нынче много. У меня племянник в гвардии. Сукин сын пронырлив, весь в братца. Та еще шельма,— одобрительно охарактеризовал он близкого родственника.— Говорит, что сундуки с Империялами на пяти повозках размещены. Они и в цвет окрашены особенный, чтобы, значит не путать с менее нужными. Коричневые кузова. Серебра тоже скопилось изрядно, повозок десять. А вы что, святые отцы, милостыню испросить желаете у Барона Пейрюса? Ха-а! У этого жмота, вы гроша ломаного не получите. Русскими ассигнациями разве что. Говорят, что сам их и печатает в любых количествах. Монетный двор на колесах. Плавильни свои, типография походная. Хозяйство большое,— усач раскурил трубку и выпустил клуб дыма в лицо сидящему рядом соратнику, который начал плевать и чертыхаться под дружный хохот остальных.

– Анатолий у нас нежен, как барышня,— пояснил довольно усач, похлопав товарища по плечу, а тот встал и пересел демонстративно от него подальше, продолжая недовольно ворчать.

– Настроение у вас, я вижу, боевое, рветесь в битву,— сделал вывод Михаил.— А я слышал, сегодня под Шевардино русским удалось удивить многих своей удалью.

– Ну, положим, дрались они знатно, так и понятно. Они подготовились, а мы из походных колонн на них наскочили. Уставшие были и люди и лошади. Вот они и стояли так браво. Поглядим, как завтра будут рубиться, когда мы отдохнем,— возразил ему молоденький лейтенантик.

– Думаете, что разобьете Кутузова?

– Несомненно, мсье монах, если опять не убежит,— весело откликнулся лейтенантик.— Надоело догонять. Но уже и до их знаменитой Москвы добежал, а ее ему Император Александр не позволит без баталии сдать. Большой город. Даже больше чем Париж, говорят.

– Неужто больше?— засомневался кто-то.

– И богатый чрезвычайно. Русские, крыши домов золотом покрывают,— уверенно заявил лейтенантик.

– Да вы что?— опять засомневался тот же голос.

– Клянусь честью,— обиделся на «Фому неверующего» лейтенантик.— Сами ходят в лохмотьях, потому как ихний Бог не велит жить роскошно, и золото тратить не на что, потому как посты у них религиозные половина дней в году. Куда девать? Кроют крыши, чтобы не протекали.

– Вот идиоты! Что за Вера у них такая?– заинтересовался и усач услышанной информацией.

– Славная называется. Так и говорят. Право у нас Славное. Что это значит, они сами не понимают, вроде как христиане, но все не так как в Европе. В Европе христиане на службах сидят чинно, а эти стоят. И службы у них длинные и поют все вместе песни при этом.

– А вы откуда знаете, мсье лейтенант?– не поверил усач и решил выяснить источник информации.

– У моего батюшки беглый русский конюхом служил, вот он мне и порассказал про Веру ихнюю и обычаи. Варвары, конечно,– лейтенантик аппетитно потянулся и устроился поудобнее на соломенной подстилке, прикрытой шинелью.

– Мсье лейтенант, а зачем они стоят, если можно сидеть?– не понял прилегший рядом с ним кавалерист с сабельным шрамом через все лицо. Обезображенное ударом, оно светилось в пляшущих языках костра детским любопытством.

– Это ихние священники придумали, чтобы в церкви больше народу вмещалось. Да что вы у меня спрашиваете? Вот же слуги Божие к нам пожаловали. Они то получше моего разбираются в таких тонкостях. Спроси у них. Вот привязался. Спроси еще, зачем хором поют при этом.

– А зачем?– кавалерист с обезображенным лицом повернулся к монахам.– Святые отцы, вы то, что про это можете сказать? Почему в Европе сидят, а в России стоят в храмах? И поют зачем?

– Стоят, потому что уважение хотят Богу наивысшее продемонстрировать. Ты ведь перед офицером тоже вскакиваешь, когда он подходит. Зачем? Уважение демонстрируешь. И по стойке смирно стоишь пока он «вольно» не скажет. А если будешь сидеть и покуривать, то, что он подумает? Подумает, что в дерзость впал. А если ты перед Императором так же будешь сидеть неуважительно? А Бог ведь куда как выше всех Императоров. Его Именем их помазывают и короны возлагают. Вот русские это понимают и не осмеливаются в храмах, кои за дом Божий почитают, сидеть,– объяснил Михаил как можно проще. Он сам удивился направлению, которое приобрела беседа у костра. А кавалерист со шрамом не успокаивался, имея очевидно ум бойкий и пытливый.

– Уважение? Это понятно. А что, в Европе, значит, не уважают?– вывернул он вопрос.

– Уважают,– Михаил засмеялся.– Сидя. А в России стоя.

– Запутали вы меня, святой отец. Так правильно-то как будет? По-европейски или по-русски?

– Не просто ответить, сын мой. Я этот же вопрос задал одному русскому священнику и он ответил, что «лучше сидеть и думать о Боге, чем стоять и думать об уставших ногах».

– Значит, они и сами не знают как лучше?– сделал заключение кавалерист.

– Слушай, Пьер, ты чего привязался к человеку? Никто не знает как лучше.

Но Пьер, уже получивший однажды след на физиономии, и Михаил с Сергеем не удивились бы узнав, что именно сунув любопытный нос, никак не хотел угомониться. Пьер желал ясности в этом вопросе, в спорах над которым сшибаются лбами богословы всех времен и народов уже не одну тысячу лет. Кто верует и служит Богу правильно? Сыну кузнеца деревенского и прачки, до зарезу было необходимо узнать это именно здесь и сейчас. Возможно, у него тоже в ранце лежал маршальский жезл и, являясь потенциальным Герцогом, этот Пьер пытался понять, как в жизни происходят метаморфозы столь необыкновенные и чьим Промыслом такое попускается. Два монаха, подвернувшиеся ему под руку, просто обязаны были это знать.

– Сын мой. Чтобы ответить на твои вопросы иногда жизни не достаточно. Отшельники в скитах и уединенных кельях, в молитвах проводя многие годы, десятилетиями просят об этом Господа смиренно в постах, трудясь неустанно,– попробовал вежливо отвязаться от назойливого кавалериста Михаил. Но не тут-то было.

– И что вымолили? Мы-то люди простые и нам бы узнать, чего там им выяснить удалось. Русские поют хором, Европа, сидя музыку слушает, благоговей, а дикари в Африке пляшут вокруг пальм. Все это чтобы Бога уважить. Вы уж проясните, коль рясы одели. Я саблю взял и на лошадь сел. Про это могу все без утайки рассказать и увилить не стану. Все как есть расскажу. А вы крест надели, и жизнь Богу посвятили, значит должны в этих вопросах быть знатоками. Иначе к чему огород городить?– Пьер даже с лежанки своей вскочил и придвинулся, любопытствующую рожу со шрамом придвинув поближе.

– Вера, сын мой, не в обрядности и внешних проявлениях человеческих, а в сердце должна быть. Она как талант дается каждому с рождения и либо затухает в страстях пребывающего человека, либо разгорается, страсти превозмогая,– опять попытался отвязаться от него Михаил.

– Да как же их угасить, страсти?– растерялся кавалерист Пьер.– Коль они прут?

– Они «прут», а ты борись с ними. В этом главный труд. Монашество для того и есть, смысл его в том, чтобы уединившись, умерев для мира суетного, преодолеть страсти совершенно. А какой рукой ты себя при этом будешь крестом осенять и как пальцы складывать – это дело десятое.

– Так чего монахи просят у Бога, коль им ничего не надо?– удивился Пьер.

– Смирение просят им дать. Простоты святой. Более ничего и не надобно, для того чтобы войти в Царствие Небесное.

– Только-то?– Пьер разочарованно махнул рукой.– Эдак, любой нищий туда может попасть без труда. Куда уж проще, коль нет ничего своего и поприывк, что все пинают, да в шею гонят. Ходят с рукой протянутой и все сносят. Куда проще?

– Не о покорности, внешне проявленной, я говорю, сын мой. А о смирении гордыни и страстей. Иной нищий, прося днем покаянно, ночью за грош медный горло в темном переулке перережет, чтобы страсти свои удовлетворить. Это не Смирение – это покорность обстоятельствам. Дай такому человеку возможность сбросить рубище, облачи в одежды царские и получишь деспота, пострашнее самого дьявола. Смирение, как состояние внутреннее. Состояние души. Вот к чему стремиться нужно и для этого уходят отцы святые в пустынные места, где в постах и молитвах просят Господа об этом, как о даре наивысшем. Многими чудесами наполняются тогда дни их и Дух Святой, опускаясь на молитвенников, ни в чем ограничения им не чинит. Все дает в полноте истиной. Ибо сказал Господь:– «Стучитесь и отверзится. Просите и дано будет вам»,– Пьер почесал в затылке, пытаясь освоить сказанное и, спросил с явным сомнением в голосе:

– Так уж и все?

– Истинное все,– подтвердил Михаил.

– Значит, если молитвенник, в Духе пребывая, попросит Бога груды золота, то получит их немедленно?

– Несомненно, получит, только просить не станет. Зачем ему «груды» эти? Чтобы сторожем потом при них сидеть? Тогда он станет уже не монахом, а сторожем при этих «грудах». Несчастнейшим человеком станет. Рабом золота. Истинная Свобода не в обладании, а в отсутствии привязанности к чему либо. Что за Свобода, коль ты вынужден жизнь свою посвятить сохранению вещей, недвижимости или не дай Бог, страстью воспылав к женщине, станешь бегать вокруг нее с саблей, прочих воспылавших разгоняя. Раб ты тогда страсти и несчастнейший из людей, потому, как и в мыслях и в поступках не свободен. Свободен тот, кто в любое время может подняться и уйти, куда ему вздумается, а не куда его ведут страсти. Им отдается человек и уловленный в сети эти, идет не туда куда хочет, а туда, куда они влекут.

Глава 4

Пьер смешно наморщил лоб, пытаясь искренне понять, сказанную монахом явную несуразицу: – Я в кавалерию пошел, потому что мне всегда нравились лошади. И подраться я тоже всегда не прочь. Выпить хорошего винца в доброй компании, с хорошей закуской и с дамами – это тоже по мне. Монет золотых или серебряных я бы тоже не против груды заиметь, чтобы все остальное купить. Значит, я раб всего этого, раз хочу и головой ради этого рискнуть готов?

– А кто? Раб и есть. А знаешь, сын мой, как Господь по милости своей, излечивает таких как ты от страстей-то этих?

– Как?

– Получишь ты все, что хочешь и даже сверх того, так что «из ушей ползет» и тогда поймешь, сколь обременительную ношу ты себе на плечи взвалить решил. Сейчас ты беден и потому свободен. Когда же получишь желаемое, то жерновами повиснет все на шее твоей. Вспомнишь ты мои слова совсем скоро. И мой тебе совет заранее, брось все и иди куда хочешь. Жив будешь, и может быть, душу спасешь.

– Загадки, святой отец, – это не по моей части. Я люблю, чтобы все было просто. Быстро, красиво, сытно, ну и с барабанным боем чтобы.

– Так и будет, – кивнул Михаил. – Быстро разбогатеешь, так что не унести будет. Красиво и сытно тоже будет, а уж барабанным боем тебя, Пьер, Император обеспечит.

Этот разговор у костра Пьер вспомнит месяц спустя, выкатывая ручную тележку с награбленным барахлом из сгоревшей Москвы. Он понимал, что ему не докатить ее до Парижа, но бросать было жаль. Лошадь его убили под ним еще в Бородинскую битву и он, получив легкое ранение в руку, брел в растянувшемся на 50-т верст обозе, толкая перед собой тележку, набитую ценностями.

Ему повезло, он сумел набрать в основном золото и серебро, и теперь с тоской озирает унылый русский пейзаж. Проклятая русская зима началась в этом году значительно раньше обычного и Пьер, закутанный в медвежью доху и обутый в русские валенки, мерз нещадно. Проклятый монах был прав, когда говорил про «жернова». «Что он там посоветовал? Брось сказал». – Пьер остановился, распаковал узлы, пересыпал в ранец золотые монеты и, зажмурившись, рванул налегке, обгоняя, еле плетущийся обоз. Отойдя от тачки на десятка три шагов, он все же оглянулся и увидел, как набросились жадно на его бывшее имущество, проходящие мимо гвардейцы.

Даже за сабли схватились, претендуя на добычу. И лязгнувшая сталь подтвердила серьезность намерений претендентов.

«Идиоты», – весело подумал Пьер, прибавляя шаг и прикидывая где бы ему прикупить хоть какую-нибудь клячу, пусть даже за все имеющееся у него золото.

А сейчас, сидя у костра, он протяжно зевнул и, пожелав всем доброго сна, завалился под бок лейтенанта и захрапел буквально через десять секунд.

Подремав у костра кавалеристов до рассвета, монахи тихо ушли, никого не побеспокоив. Проходя по разоренной деревне, Михаил опять услышал писк металлодетектора и, поспешно достав его, присвистнул удивленно.

– Что там? – Сергей протянул руку и Михаил молча сунул ему прибор.

– Опять пять км показывает. Зараза. Это что означает?

– Одно из двух. Либо ларец удаляется на восток, либо мы от него ушли на запад, а он находится в расположении русской армии.

– Вот гад. Это потому что мы на Наполеоне заикнулись. А ларец-то и не у него вовсе. Вон его «вигвам», если я что-то понимаю в архитектуре. А рядом с ним, наверняка, казначей пристроился. Вон и фуры коричневые. Лошадей выпасаться видать увели, – Сергей переключил

детектор на определение золота и прибор исправно запикал, показывая, что на расстоянии от них всего в пятидесяти метрах этого металла просто прорва.

– Хитер Бонапарт. Солдатикам своим фальшивками жалование платит, а золото себе в казну прибрал, – Михаил щелкнул пальцами и пятнадцать повозок, стоящие тремя рядами, за шатром Императора и охраняемые десятком конных гвардейцев, слегка дернулись все сразу. Рывок этот судорожный, сопровождаемый легким скрипом колес, рессор и досок, был замечен караульными и вызвал у них естественное любопытство.

– Что это они все сразу затряслись? – озадачился капрал, старший в наряде. – Уж не шуру-дит ли кто внутри? – высказал он вслух самое нелепейшее предположение.

Капрал подтянул потуже ремешок высоченной фуражки и, не откладывая в долгий ящик, развернул лошадь к ближайшему фургону с императорской казной. Расстегнув деревянные пукли и распустив кожаные ремни, он заглянул в фургон, и лицо его вытянулось изумленно. Фургон был пуст. Первые лучи утреннего солнца радостно осветили девственно чистое нутро. Воры, похоже, не только вынесли все, что было внутри, но даже подмели за собой днище повозки. Капрал метнулся к следующему фургону и лихорадочно принялся, срывая ногти, распускать ремни, чтобы увидеть ту же картину вторично. Всклипнув от предчувствия надвигающейся лично на него «кары небесной», капрал с заполошным криком: – Мсье капитан, воровство!!! – поскакал к палатке караульного начальника, который выскочил полуодетый с обнаженной саблей в руке.

– Что? Кто? – заорал он.

– Казну сперли, мсье капитан, – капрал вывалился из седла и на трясущихся ногах побежал следом за капитаном обратно к казначейским фургонам. А там уже суетился сам казначей Наполеона – барон Пейрюс. Выскочивший на крики и лично проводящий экстренную ревизию содержимого фургонов. Все пятнадцать оказались пусты. Кроме того опустели и три фуры с типографским оборудованием, краской и запасом бумаги, а также свежотпечатанные ассигнации на сумму в 2-а миллиона рублей. Известные злодеи решили не мелочиться, и подмели не только фургоны с монетами.

– Чертовщина!!! Караул!!! – Барон дрожащими руками пытался натянуть на себя мундир, но никак не мог попасть руками в рукава. – Что стоишь, как кретин? – заорал он писклявым голосом на денщика. – Помоги.

Из императорского шатра, вышел Наполеон, и недовольно сморщив нос, осведомился:

– Что орете, как египетские ослы? Что случилось?

– Ваше Величество, похищена казна, – доложил барон, трясущимися губами.

– Та-а-а-к! Поздравляю. В Смоленске у меня кто-то спер табакерку, и я сразу понял, что эта компания ничего кроме неприятностей не принесет. Жандармов сюда. Где этот Дюк – выкормыш Фуше. Вы уверены, барон, что золото было на месте накануне?

– Опечатывал лично, Ваше Величество. И печати целы, – Барон хватался за грудь и голову попеременно. Видимо сердце прыгало туда и обратно.

Сергей, наблюдающий за поднявшейся кутерьмой, неодобрительно заметил:

– Сундуки-то на фига увел? Пусть бы стояли себе. Теперь тут начнутся проверки типа «План Перехват». Менты имперские начнут цепляться, заколебаешь ксивы предъявлять.

– Нам все равно уезжать отсюда нужно, – Михаил беспечно отмахнулся от слишком ставшего рассудительным после женитьбы друга. – Ну, предъявим пару раз маршальскую бумажку. И чего нас вообще тормозить? Видно же невооруженным глазом, что пустые мы и впереди себя навьюченных лошадей с золотом не погоняем.

– Да тупые они, понимаешь! Во все времена! Демонстрировать рвение начнут сейчас. Сообщников выявлять. А мы с тобой тут самые подозрительные, не в мундирах потому что, – продолжал ворчать Сергей.

– Навалием по рылам, ежели что. Делов-то,– опять отмахнулся от него Михаил.– В первый раз, что ли разносить все «в дребезги»?

– Сам же всегда возникаешь, когда так выходит,– Сергей даже Верку остановил, опешив от наглости приятеля.

– Потому что ты специально лезешь, без нужды. У тебя это «хобби» такое. А я об осознанной необходимости говорю,– возразил Михаил, пропуская, прижавшись к развороченному плетню, несущуюся мимо сотню жандармов.

– Ты, Миш, извини, я тебе одну умную вещь скажу, ты не обижайся только. Несешь херню полную. Где осознанная необходимость? Зачем ты вообще золото Бонапартово конфисковал?

– За Москву обидно стало. Ты знаешь, какой ущерб ей будет нанесен? В 320-ть миллионов рублей. По курсу 2003-го 42 миллиарда шестьсот шестьдесят шесть миллионов долларов. Это без процентов набежавших за двести лет.

– И ты решил убытки восполнить за счет казны императорской?

– Ну, «с паршивой овцы», как говорится,– Михаил прищипорил Лерку и поскакал в сторону Бородино. И не ошибся, их действительно проверили всего один раз, на выезде из расположения наполеоновских войск. Хмурый капитан, явно не выпавшийся, да еще с подвязанной платком щекой, молча прочитал бумагу подписанную маршалом, молча козырнул и повертел пальцем у виска, когда два монаха, как придурки повернули лошадей в сторону русских позиций.

А вот на въезде в Бородино впору было «наваливать по рылам». Кроме Арьергада здесь болтались гусары какого-то пьяного и «отмороженного» по этой причине полковника. Всего сотня или полторы не более, они, очевидно, накануне хорошо гульнули и, перегаром несло от них так знатно, что даже Сергей морщился, когда проезжал мимо кучкующихся служивых, что-то, однако, бойко обсуждающих. Оказывается, обсуждали последовательность действий. Сначала опохмелиться, а потом отправиться в развед рейд, или сначала отправиться и уж по дороге совместить приятное, с полезным.

– Там у меня в подвале еще две бочки стоит отменного вина, братцы,– орал полковник-гусар, размахивая обнаженной саблей, будто собирался брать подвал собственный штурмом.

– Видать местный помещик бородинский,– предположил Михаил, обернувшись к Сергею и удивительно то, что был услышан этим помещиком.

– Да, батюшка, местный помещик Давыдов, имею честь им быть,– шутовски поклонился он монахам.– Кто такие?– вдруг насупился ни с того, ни с сего впадая в бдительность.– Лазутчики французские? Отвечать, когда вас полковник спрашивает.

– Денис Васильевич никак?– удивился Михаил, припомнив, что именно легендарному гусару-партизану принадлежала деревенька Бородино.

– Он самый,– подтвердил едва стоящий на ногах Давыдов.– Не припоминаю, чтобы был вам представлен, когда либо, кем-нибудь. Видать лишку все же вчера хватанули. Что там за дрянь была, корнет?

– Шампанское, мсье,– корнет совсем мальчишка, повис, ухватившись за седло своей лошади и ему явно было нехорошо, по молодости лет, после вчерашнего.

– Штраф, штраф. Какой я тебе мсье?– Давыдов лихо загнул на самом, что ни на есть русском, демонстрируя патриотизм самой высокой пробы.

Михаил, пожалев героя-партизана и мальчишку-корнета шелкнул пальцами, снижая в их крови содержание алкоголя и Давыдов, трезвея на глазах, уставился уже вполне твердым взглядом на него:

– Не припоминаю, батюшка монах. Напомните сирому, с кем имею честь?– Денис Васильевич, почесал свой знаменитый нос-картошкой, и добавил.– Будьте любезны.

– Денис Васильевич, не сетуйте на провалы в памяти. Вы нас не знаете. И представлены не были. Мы вас знаем, как поэта. А вам знать нас убогих и ни к чему вовсе, – поклонился Михаил Давыдову.

– Вы что же и стихи мои скудные изволили читать? – удивился Давыдов. – Где же?

– В списках Денис Васильевич. Ранние ваши пробы пера. Но вы еще напишите, мы надемся, много талантливых строк.

– И что более всего вам понравилось, батюшка, из прочитанного? Пиит я слабосильный и за такового себя не считаю, посему и любопытствую. Кого же и чем потрясти мог мой слабый дар?

– Отчего же слабый? Есть, конечно, безделицы, по просьбе дам писанные в альбомы экспромтом, но вот басня ваша про «Голову и Ноги», весьма недурна. Эзоп нервно курит в сторонке от зависти, – сделал Михаил комплимент поэту-партизану.

– Что делает Эзоп? – не понял Давыдов.

– Закурил с расстройства, – пояснил охотно Михаил и Давыдов захохотал, поняв «какую пулю отлил» монах прямо у него на глазах. И принялся обнимать спешившегося Михаила.

– Наш брат, – хлопал он его по плечам. – У меня даже хмель прошел окончательно от эдакой встречи, – сделал заключение вдруг Денис Васильевич, не подозревая, насколько он прав. – Как величать вас, братия?

– Иноки Михаил и Сергей, – представился Михаил и пожал протянутую крепкую ладонь полковника Давыдова. А тот рывкнул на протрезвевшего корнета: – Что стоишь? Организуй-ка, братец, бочонок вина прямо сюда на заставу. Поручик, посодействуйте не в службу, а в дружбу, – гусары кинулись толпой к каменному дому, единственному во всей деревушке и вскоре прикатали бочонок пятиведерный вина, из которого тут же вышибли дно и вино, шипя потекло в кубки. Где они их раздобыли – не понятно, но кубки были явно ценные, камения на них переливались в лучах утреннего солнца. Пирушка, похоже, начиналась сызнова. Однако, выхлестав бочонок, который на сто тридцать человек, оказался не таким уж и большим, гусары по команде своего командира, вскочили в седла, и ушли в лес. В рейд по тылам неприятеля. Давыдов приглашал монахов с собой, обещая выдать им по сабле и пистолю, но они вежливо отказались, сославшись на неотложное поручение, возложенное на них настоятелем монастыря. Полковник настаивать не стал и на прощанье, обняв монахов, крикнул уже отъезжая: – Остаюсь вашим покорным слугой, господа. Приятно было познакомиться. Надеюсь, что судьба предоставит нам шанс и мы еще встретимся после этой Компании.

– Надо же, – удивился Сергей. – Я и не знал, что Бородино его деревушка.

– А что он пять лет был адъютантом Багратиона ты знаешь?

– Да, ладно!

– Точно был. Я его биографию читал. Дослужится до генерал-лейтенанта. Девять детей нарождает в браке.

– Орел!

– Ну да, – Михаил взглянул на детектор. – Две версты показывает. Предлагаю проскочить до Горок, в сторону Москвы. И оттуда, если что, то в сторону Семеновской деревушки. По Бородинскому будущему полю. Странно вот почему-то назвали поле Бородинским, а ведь по логике оно Семеновское. Видать посчитали не поэтично звучащим. Вон и флешки тоже все по фамилиям генералов обозначили. Чем им Семеново не угодило? А вот Шевардино наоборот. Там Горчаков командовал, вот и назвать бы Горчаковскими редуты. Нет, умалчивают имя. Горчаков, кстати, рядом с Багратионом был ранен в тот же день, но его как-то не принято упоминать. Персона нежелательная, почему-то для Императора Александра. Может, подозревал его в активном участии в «спектакле» по устранению батюшки – Павла -I?

– Да тут кого ни возьми участники. Кутузов тот же.

– Ну, Кутузова Александр-I-ый на дух не переносил и никогда бы его главнокомандующим не назначил, если бы Ростопчин не настоял.

– Этот-то чего так ратовал за кандидатуру Михаила Илларионовича?

– Считал, что Кутузов великий полководец. Сам-то он /Ростопчин/ сугубо штатский Генерал– губернатор. А Кутузов, в его глазах, герой нескольких Компаний. Ученик и соратник Суворова. И просто больше никого не видел. А их было множество. Багратион, Дохтуров. Я думаю, что если бы Император Александр отстранил от командования армиями Барклая и назначил месяц назад Багратиона с Дохтуровым, то Наполеон завяз бы под Смоленском надолго. И скорее всего, что дальше бы не пошел,– предположил Михаил с такой убежденностью в голосе, что Сергей решил не комментировать сказанное им никак, хотя и был не согласен с этим заключением.

– Бородинской, битву окрестили, с легкой руки Михаила Илларионовича. Он во всех рапортах ее поминает и не просто так. Командующий русской армии полагал, что именно при Бородино развернется основная схватка. Поэтому все силы бросил на строительство редутов у этой деревни. Семеновское же считал направлением второстепенным, и силы здесь сосредоточил в количестве одной трети от всей армии. Логика тут проста. Бородино находится на дороге в Москву, ну и куда, по мнению Кутузова, должен наступать неприятель? А Наполеон ведет себя так, будто прекрасно осведомлен о сосредоточении русских войск их плотности и эшелонированности. Сдается мне, Миш, что был у него свой человек в штабе у русских. Глаза и уши. Народу там шляется всякого много беспрепятственно, но этот был не просто лазутчик, а судя по скорости и качеству передаваемой информации, человек там постоянно находящийся.

– Предлагаешь, изловить злодея?

– А какой смысл? Наполеон уже в курсе, что левый фланг у русских слаб, по нему и вмажет послезавтра. Как там наши?

– Разыщем?

– Давай.

Впереди показались избенки деревушки Горки. Металлодетектор отмечал уменьшение расстояния до ларца и это радовало.

В Горках было не протолкаться, как на ярмарке. За ржанием конским и криками людей невозможно было расслышать рядом стоящего собеседника и волей неволей приходилось переходить так же на крик. Толкотня эта была абсолютно бестолковой. Все кого-то разыскивали, срывая глотки. Спешили куда-то фельд-егеря, расталкивая нерасторопных и зло матерясь в ответ.– «Мать, мать, мать»,– несло со всех сторон.

– Вот она Расея-матушка доподлинная, во всей своей красе,– проорал Сергей Михаилу в ухо.– Чего орут? А главное, куда все спешат?

– Позиции занимать указанные собираются. Порасспросят друг друга насчет географии и пойдут искать каждый свое место,– крикнул тот в ответ. И выругался неожиданно так витиевато и с таким злым задором, что Сергей даже не стал спрашивать причину. Без объяснений было понятно, что уставившийся на детектор Михаил, не увидел там сигнала.

– Ведь рядом где-то уже, буквально в двух шагах. Хоть шмон устраивай всех подряд. Поехали в Семеновское, наши там должны быть. Проведаем.

В Семеновском полным ходом шли работы по возведению редутов. Расспросив встречаемых мужичков, подвозящих на подводах продовольствие, боеприпасы и бревна, парни выяснили, что московские ополченцы, после вчерашнего боя, отведены по приказу командования 2-ой армии на доукомплектовку личным составом. На левый фланг, где французов не ожидают вовсе и потому сосредоточили там пункты сбора, а также походный госпиталь.

– Там за Утицей, в рощице они,– пояснил с готовностью дедок с бородой до пояса.– К ополченцам у меня два зятя и три внука приписаны. Смирновы мы. Авдей с Прохором – это

зятя, а внучата при них – Семка, Пронька да Илюха. Коль увидите, батюшки, так передайте, что поклон им от деда Саввы.

– Непременно передадим, дедуля. Вам сколь лет-то?

– Молодой ищо,– заулыбался дед Савва.– Мой батюшка – Прокопий, царствие ему тудыть, до ста лет дожил и все на девок ищо поглядывал, а мне восьмой десяток ноне токма. Аль девятый? – поскреб озадаченно в затылке дед.

– Из долгожителей значит. Нынче, дедуля, молодых смерть многих приберет. Не страшно тут? Вон француз начал пушки пристреливать. Не ровен час, под ядро-то попадешь,– Сергей сочувственно оглядел неказистую одежонку деда. Лапти, онучи, кафтанишко в заплатках и шапчонка треух.

– А чего нам? Свое пожили. Дык и то сказать, на все Воля Божья. Кому помереть, кому жить,– философски заметил дедок.

– Ну да. Помирают не старые, помирают поспелые. Так что ли?

– Во, во, тудыть-растудыть,– кудачнул дед, заулыбавшись еще шире.

Ополченцев московских нашли быстро и именно в рощице. Подоспели удачно к обеду и с удовольствием подсели к солдатскому котлу, у которого хлопотали Тихоновна и Нина Андреевна. Котлы были сконструированы Кулибиным и очень напоминали будущие полевые кухни русской, а потом и советской армии. Громоздкое сооружение с трубой и печкой на конной тяге и с тележными колесами дымило и вкусно пахло борщом и кашей.

– Бабий бунт тут у нас приключился,– сообщил Силиверстович, поздоровавшись с парнями.– Принесла лихоманка, будто мы тут без них не управимся. Все любопытство бабье. Что лыбишься?– ткнул он внука в плечо.– Сейчас полиняешь живо, ваши кулемы тоже здесь. Вона, у второй полевой заправляют,– улыбка дурашливая немедленно сползла с Серегиных губ и, бросив поводья кобылы, он ринулся в указанном направлении, на бегу поздоровавшись с Тихоновной и Ниной Андреевной.

– Здравствуйте. Соскучились?– и, не дожидаясь ответа, прошмыгнул мимо.

– Вот хамло!– Тихоновна погрозила вслед внуку черпаком.– Вернешься ведь, невежа. Ох, держись тогда. У меня после Шевардино этого руки чешутся, кому нито волосья повыдирать.

Михаил обнял мать и «тетушку»: – Не гневайтесь, ему Силиверстович про Аннушку доложил, вот он и помчался. Вы зачем им разрешили сюда заявиться? Это же их время и если что, то как нас не вышвырнет в «форс-мажоре»?

– Как же, удержишь их,– вздохнула Нина Андреевна.– Мы втихую ушли, так эти следом через пять минут выскочили и слушать ничего не хотят. А Катерина твоя и вовсе вчера полезла в Шевардино это. С термосами.– «Солдатики голодные весь день».– Я ей эту вашу карточку на спину едва прилепить успела, ведь помчалась, как оглашенная. Отец-то турнул ее, конечно, сразу обратно, но ведь в самое пекло сунулась, а вернулась вся в этих нашлепках свинцовых. Как репья наловила.

– Я ей сейчас такие «нашлепки» устрою,– Михаил помчался следом за Сергеем, недослушав мать.

– И этот туда же,– сокрушенно покачала головой Тихоновна, наливая в котелок солдатский борщ очередному ополченцу.– Господи, ты то, Павлушка, почему в лазарет не ушел? Без руки хочешь остаться?– накинулась она на парнишку с перевязанной рукой и головой.– Мало что ли повоевал?

– Все ранены, не один я и не уходят. А я что, хуже других?– парнишка расплылся в улыбке.– Агафья Тихоновна, вы не беспокойтесь, нам Евлампий Силиверстович мазь целебную выдал, раны затягивает на глазах, только зудят шибко и чешутся. Я уже пальцами могу шевелить,– Павлушка продемонстрировал шевеление и отошел с котелком в сторону, уступая место следующему ополченцу.

Вторая полевая кухня дымила метрах в пятидесяти под березой и орудовали на ней с черпаками Катюша и Аннушка. Прибежавший сюда Михаил, услышал как Сергей выговаривает своей половине, все что он думает о ее поведении и в довольно резкой форме. Аннушка стояла, повинно склонив голову и на вопрос: – Вдовцом меня решила оставить, а ребятишек сиротами?– Только шмыгнула виновато носиком. Михаил усмехнулся и, кивнув в сторону четы Руковишниковых головой, произнес тоном, не терпящим возражений:

– Катенька, чтоб я треснул, если мне тоже самое в голову не пришло. Обалдели, в натуре, девки?– а вот Катюша отмалчиваться не стала в отличие от Аннушки:

– Давайте-ка покормим вас сперва. Мишань, вот присядь-ка на скамеечку к столику. Парни специально постарались, сколотили. Говорят,– «Для отцов-командиров». Какие щи у нас нынче наваристые, а каша Гурьевская – вкуснятина. Хлебушек свежий и огурчиков малосольных целый бочонок. Садитесь, подкрепитесь, а потом поговорим обстоятельно. А, Миш?– Катюша чмокнула Михаила в покрасневшую от возмущения щеку и он, махнув рукой, сдался:

– Наливай. Серега, прекрати пилить супругу. Садись, тут щи твои любимые стынут,– Сергей зыркнул в сторону столика, собранного из жердей березовых, на котором уже исходили паром две миски с первым, сглотнул слюну, и пробормотав: – Ох, возьмусь я за тебя, Анюта. Курить вот только брошу, тогда держись,– Аннушка сразу вскинула радостно голову и повисла у него на шее, завизжав ему в ухо так, что листья с березы посыпались. Ополченцы, сидящие с котелками и ложками, под деревьями вокруг кухни, весело заулыбались.

– Анька!– взвыл Сергей, хватаясь за уши под смех кадетов.– Оглушила ведь.

– Сергей Алексеевич, а чего это вы монахами с Михаилом Петровичем вырядились нынче? – спросил подошедший и поздоровавшийся Кудряшов Иван Савельевич – бывший разбойник Кудеяр и нынешний учитель фехтования в кадетской школе Руковишниковых.

– По тылам, Савельевич, французским прошлись. Самое удобное облачение. А ты тоже, смотри, не усидел в Москве. Как парни себя показали вчера? Хорошо обучил?

– Наши дрались знатно. Мусье бегало от них по всему полю,– довольно улыбнулся Иван Савельевич.– Сабли хороши. Сталь не тупится. Из своих загашников Сергей Алексеевич презентовал и понятно, почему ранее не давал в руки. Опасны в повседневной жизни. С ними ведь и фехтованию обучаться нет надобности. Руби в песи и вся недолга.

– Ну, не скажи, Савельевич, «руби». Каб так просто, то и живы тогда все бы были. Вон смотрю и тебя достали, рука-то на перевязи. Или картечь?

– Штыком гренадер достал,– признался Иван Савельевич.– Я его мерзавца, потом, сгоряча, располовинил, да так разлетелся лихо, что человек пятьдесят увидев дело такое, обратно побежали, ружья побросав,– Иван Савельевич присел к столику на раскладной стульчик и Катюша тут же выставила перед ним миску со щами: – Спасибо, хозяйюшка,– поклонился ей Иван Савельевич и, перекрестившись, взялся за расписную ложку. За прошедшие пятнадцать лет он изменился настолько разительно, что узнать в нем того нахала-разбойничка лесного, было уже невозможно. Борода с проседью, делала лицо его благообразным, но вот глаза поблескивали все так же лукавством и удалью. К столику и к кухне постоянно подходили знакомые и, радостно поздоровавшись, получали свой обед. Кадеты молодые и уже среднего возраста, из тех самых первых годов девяностых, прошлого восемнадцатого века, узнавали Михаила и Сергея, радуясь им искренне.

– Ну и что там Буонапартый?– Иван Савельевич задал вопрос всех волновавший.

– Подтягивается. Завтра двинется на редуты Семеновские.-

– Отчего же на Семеновские?– не понял Иван Савельевич категоричности заявления Михаила.

– Разведка у Наполеона хорошо работает потому что. Или изменник рядом с командующим нашим засел. Знает гад, как войска наши размещены. Как будут размещены, если уж

точнее. Сам Кутузов еще не знает, а этот уже знает. Гений, блин,— Михаил потер лоб и даже приподнялся с табурета.

— Что вскочил то?— Сергей удивленно выгнул бровь.

— Кутузов еще сам не знает, как окончательно разместит армию по фронту, а этот уже своих группирует, так, будто прекрасно осведомлен,— повторил Михаил.— Понимаешь? Такое ощущение, что русский штаб его распоряжения выполняет,— Михаил сел на место и принялся за кашу по-гурьевски.

— Хочешь сказать, что тот, кто имеет в штабе вес, скажем начальник штаба, скорее всего и есть Наполеоновский агент?— закончил за него мысль Сергей. Михаил, молча кивнул.

— Кто начштаба у Михаила Илларионовича?

— Беннигсен Леонтий Леонтьевич. Один из убийц Павла-И. Левин Август фон Беннигсен. Граф и кавалер многих орденов.

— Дятел?

— Похоже. Историки выставляют его как человека, который всячески «перечил» Кутузову. Иногда отменяя его приказы по своему усмотрению. Второй человек после командующего. Кутузов был с ним «на ножах», как говорится. Избавиться, однако, смог от него только в Тарутино, уже после пожара московского.

— Какой пожар?— не понял Иван Савельевич. Напоминая о себе.

— Ах да, Савельевич, вы же не в курсе. Ну, тут как раз тот случай, когда «меньше знаешь — крепче спишь»,— спохватился Михаил и перевел разговор на другую тему.— Вы сейчас у кого в подчинении? Ополчение я имею в виду.

— Генералу Тучкову велено подчиняться. Тут уж от него и фельд-егерь был с указаниями. Нам лапотников человек пятьсот добавили с вилами да косами, вот их приказано срочно в порядок привести. Научить воинскому искусству, да и воевать потом бок о бок. Батюшка ваш плюется и поминает всех святых поименно. Как по святкам шпарит,— улыбнулся Иван Савельевич.— Какие из них вояки? Побьют мужичков, ни за понюшку табаку. Куда вот присылают таких? На убой, как скот гонят. Неужто в России воевать некому и ружей не хватает?

— Ружей хватает. В Арсенале московском шестьдесят тысяч новеньких штуцеров стоят. Однако Ростопчин — Генерал-губернатор зажал их. Сукин сын,— не удержался от комментария Сергей.

— Чего ж он так? Ведь вот он враг, у самых дверей?

— Бойтся губернатор оружие народу выдавать. Пугачевщина мерещится,— усмехнулся Михаил.

— Дурак, ей Богу дурачок. Пугачев. Да ежели прижмет, то народ и без ружей поднимется на бар, а уж красного петуха пустить и ружья без надобности,— Иван Савельевич нахмурился и, оглядев прислушивающихся к их разговору кадетов, продолжил: — Неужто Боунапартия боится меньше, чем народа собственного?

— Бонапарт придет, да уйдет восвояси по-любому, а народ потом попробуй опять в ярмо загнать, когда он при ружьях?— Михаил тоже оглядел внимательные лица ополченцев, даже про ложки и котелки забывших.— С Бонапартом договориться легче, чем вот с ними, после того, как они французам по шеям дав, людьми себя другого сорта почувствуют. Ну-ка попробуй после Шевардино зацепить кого-нибудь из них. Достоинство ведь теперь другое у всех. Право имеющими себя почувствовали. И кто потерпит из них к себе прежнее отношение, как к холопам и быдлу? Те, кто здесь на поле Семеновском лягут костями в эти дни, тем они «ростопчины» готовы будут хоть памятники из золота поставить потом, а те, кто жив останется, те для них пострашнее Наполеона станут. Понятно или разжевать эту мысль помельче, чтобы усвоилась?

— Не нужно, Михаил Петрович, куда уж мельче?— вздохнул скорбно Иван Савельевич.

— Ну, вот и воюйте вилами, да косами. Мы, конечно, подсуетимся и этим «сермяжным» пики подгоним, знаю я где запасец есть у казачков атамана Платова. Мужикам, в самый раз

оружие. Та же оглобля. А уж ей-то орудовать все мастера. Против конницы французской очень эффективное средство. Ну а от пушек и фузеи не спасут. Ты их, Савельевич, научи, как с этой пикой стоять в строю. Через часок доставим. Пятьсот говоришь человек?

– Да не больше, – кивнул Иван Савельевич. – Здесь-то вряд ли конно французы пройдут. Негде им тут развернуться. Лесисто для уланов, – предположил он.

– Савельич, именно тут и попрут. Поверь на слово, так что гоняй мужиков до седьмого пота, но чтобы это построение в шеренгах с копьем, до автоматизма усвоили, – посоветовал Михаил.

Иван Савельевич посмотрел Михаилу в глаза, слегка прищурившись и молча кивнул, принимая на веру его слова. Разговор их прервал подошедший, с озабоченным лицом Петр Павлович. Обняв вскочившего сына, спросил, пожимая руки Сергея и Ивана Савельевича:

– Насовсем, или попутно заскочили?

– Попутно.

– Ищите?

– Да.

– След есть?

– Есть.

– И куда теперь?

– В штаб Кутузова.

– Вот значит как. А у нас половинная убыль личного состава после вчерашней баталии.

– Завтра не было бы хуже, – посочувствовал Сергей.

– Да куда уж хуже? Если завтра будет столько же выбито, как вчера, то никого и не останется, – Петр Павлович присел на стул и постучал ложкой по березовой жердине: – Невестушка, накорми тестя, чем-нибудь. На корку хлеба даже согласен. Маковой росинки во рту с утра не было.

– Ох, вот ведь две дуры, – охнула Катюша. – Раскрыли рты, слушаем, – перед Петром Павловичем мгновенно появилась миска со щами и ломоть ржаного хлеба.

Загремели ложки по котелкам и мискам, разговор как-то сам собой увял, все понятно было и без слов. Ополченцы думали о завтрашнем дне, а командиры их каждый о своем.

Пики Михаил с Сергеем доставили, как и было обещано, через час и Иван Савельевич, разбив новоприбывшее подкрепление на десятки и сотни, принялся «гонять сиволапых», отведя их за рощицу и выбрав полянку пообширнее. Крестьяне, сбивались в кучи и, выставив копыя, демонстрировали наблюдателям огромных, серых ежей.

– В шеренги. Плечо к плечу, – орал, срывая голос Иван Савельевич и его помощники из кадетов, растаскивали слипшихся в кучи ополченцев сермяжных. Пришлось ставить каждого в место обозначенное, сначала первую шеренгу, потом вторую, затем третью и так в глубину до десятой. При этом Иван Савельевич с простотой необыкновенной пояснял:

– Впереди стоящего убьют, значит, встаешь на его место. Копье древком в землю упри. Стой здесь. Задача конных остановить. Ну а коль прорвется кто, тогда руби топором, режь ножом, – топоры и ножи упоминал он не для красного словца. И то, и другое было доставлено вместе с копьями. Пришлось Михаилу правда М.Э. использовать для этого, но выставить крестьян с одними копьями он посчитал неразумно, тем более, что топор в руках мужицких инструмент вполне привычный и в рукопашной схватке, пожалуй, и сабле не уступит, особенно против конницы, когда она вламывается в пехотные порядки. Копье тогда становится бесполезно, а вот нож и топор, которым с легкостью можно вспороть лошади брюхо, становятся средством весьма эффективным и обучать тут особенно никого и не нужно. Каждый получил пояс с ножнами, и мужики ахали, шупая кожаный ремень, и даже нюхали, удивляясь и радуясь, с непосредственностью подростков. Затыгивали их, на своих зипунишках, и приноравливались к ножам и заткнутым наискось топорам.

Глава 5

Понаблюдав за попытками «отцов-командиров» превратить экстренно, неорганизованную толпу во что-то, хоть отдаленно напоминающее войско, Михаил с Сергеем распрощались и усаkali в направлении Горок, подбадриваемые сигналом, который опять появился на металлодетекторе. Сигнал был устойчив и когда они въехали в Горки, показывал удаленность от ларца чуть больше двух километров и расстояние это увеличивалось.

– Двигается и, скорее всего, по Смоленской дороге в сторону Москвы, – предположил Михаил и парни, не задерживаясь в деревушке, свернули на Смоленскую дорогу. Предположение оказалось верно, так как расстояние начало уменьшаться. И если бы не интенсивное движение встречное, то догнать, теперь по пеленгу объект было бы делом нескольких минут. Но не сегодня и не в этот час.

Москва гнала в Армию все необходимое. Генерал-губернатор Ростопчин, чтобы о нем не говорили впоследствии, современники и потомки, в каких бы грехах его ни обвиняли, в одном обвинен не был и не будет. Все, что просил Командующий для нужд Армии, получал по распоряжениям Ростопчина незамедлительно и в полном объеме.

Солнце, палившее нещадно, высушило землю и пылевое марево висело над дорогой, превращая лица возниц в серые маски. Громыкали колеса на колдобинах, стучали копыта тысяч крестьянских лошадей, мобилизованных для нужд армии, переругивались и перекликались между собой люди и, все вместе это сливалось в поток звуков, тревожный и непрерывный. Пришлось прижаться к обочине и двигаться навстречу этому потоку, ведя лошадей в поводу. Верхом ехать было совершенно невозможно. Ветви деревьев, подступивших вплотную к дороге, заставляли пригибаться к самой луке седла и ехать, постоянно согнувшись удовольствия было, то еще. А вот объект неожиданно стал удаляться, похоже, нашел возможность обходного маневра или же перед ним иссякла встречная масса, но цифры на детекторе замельтешили, в сторону увеличения расстояния и Михаил озабоченно взглянув на Сергея, ускорил шаги. Через пару километров действительно обозы встречные поредели и это позволило снова сесть в седла и попробовать сократить расстояние, которое уже достигло максимума и сигнал периодически пропадая, колыхался на отметке в 5-ть тысяч метров. Промелькнули избы деревушки, которая отмечена была у Михаила, как Новое село, которое и было, может быть когда-то таковым, но сейчас покосившиеся, черные и крытые соломой избы названию этому не соответствовали. Церквушка, с облупленным куполом, мелькнула мимо и несколько дворян облачали их из-за перекошенных плетней. Население, судя по всему, оставило село и по нескольким кривым улицам его бродили сейчас несколько сотен явно проезжающих мимо обозников, остановившихся по своим надобностям. Однако в избы они не совались, поили лошадей из единственного деревенского колодца и что-то жевали сами, присев в тени своих телег. Избы с закрытыми ставнями и дверьми, нахлобучив крыши из почерневшей соломы, будто предчувствуя ожидающую их участь сгореть вскоре дотла, замерли в ожидании, покорные и беззащитные.

Навстречу им по дороге брела однорогая корова с годовалым теленком то ли потерявшаяся, то ли брошенная хозяевами, она свернула к деревне и, уткнувшись мордой в покосившиеся ворота крайней избы, замычала требовательно и протяжно. В ее сторону, тут же поспешили два крестьянина и погнали хворостинами к своим телегам, оживленно переговариваясь. Свежего молочка видать захотелось. Несколько в отдалении от деревушки стоял каменный дом управляющего или помещика с претензией называться усадьбой, он, конечно же, на дворец не тянул и даже на особняк, но по сравнению с курными перекошенными избушками, выглядел вполне прилично и крышу имел черепичную. У высокого крыльца, сутились военные. Артиллеристы. Видимо ночевали в этих хоромах и теперь собирались продолжить марш. На проезжаю-

щих мимо монахов внимания они не обратили, занятые упряжками. Ржал чем-то недовольный жеребец, зло всхрапывая. И рядовой артиллерист, рывкнув на него: – Тпр-р-ру, скотина, угомонись, – врезал ему по морде кулаком, придерживая за поводья. Жеребец фыркнул и попытался ухватить солдата зубами за руку, но тот видать конюхом был опытным и так натянул удила, что тут же и усмирив взбунтовавшееся животное, захрипевшее и пустившее кровавую слюну, – Не балуй, шельма. Я те дам. Тпр-р-р, – рычал солдат, осаживая жеребца в упряжку.

Расстояние до ларца сокращалось стремительно, и Михаил прищпорил Лерку, спеша покончить с преследованием поскорее. Дорога поворачивала на юго-восток, ныряя за лесок, и на всем протяжении была безлюдна, поэтому он надеялся, что свернув, они наконец-то увидят тех, кого преследуют. Раздавшаяся впереди ружейная пальба, заставила парней еще прибавить. Стреляли прямо по курсу и когда лошади вынесли их за изгиб дороги, открыв взгляду очередной ее прямой участок, то картина открывшаяся их взглядам, прямо скажем, озадачила не на шутку. Метрах в двухстах они увидели конный экипаж, запряженный четвериком и, стоял он с распахнутыми настежь дверцами на обочине, перекошенный на одну сторону. Несколько тел в мундирах неподвижно замерли рядом, раскинув руки, а убитая лошадь, запутавшись в постромках, тянула рядом стоящую мордой к земле, а остальным мешала двигаться.

Напавшие, очевидно, действовали дерзко и молниеносно. Перебив кучеров и охрану, выдернули пассажиров и скрылись в неизвестном направлении. Михаил, подскакав к карете, осадил лошадь и поднял руку со сжатым кулаком, прислушиваясь. Сергей замер рядом, повинаясь жесту. Со стороны Бородино доносились редкие пушечные выстрелы, а здесь, рядом, уже опять щебетали птицы, успокоившись после ружейной пальбы. Треска сучьев или человеческих голосов слышно не было. Выпрыгнув из седла, Сергей быстро обошел убитых, всего их было четверо, двое офицеры в званиях поручика и капитана инфантерии и двое рядовых-кучера. Один из них был еще жив. Пулей его вышвырнуло с облучка, и теперь он хрипел пробитым легким у переднего колеса экипажа.

– Не жилец, Миш, попробуй что-нибудь сделать.

Михаил склонился над умирающим солдатом и положил ему ладонь на вспотевший лоб. Хрип сразу пошел на убыль, дыхание стало спокойнее и кучер, дернувшись, начал кашлять, выплевывая кровавые сгустки.

– Молодец, – Сергей присел рядом. – Вон, пуля выскочила. Спас жизнь человеку. Может, хватит уже плевать?

– Ты так сказал, будто это я плюю. Сколько нужно столько и хватит. Еще пару раз и все, – кучер, будто подчиняясь его указке, кашлянул действительно пару раз и, всхлипнув, втянул в себя воздух, размазывая ладонью по лицу кровавую смесь, – Михаил достал перевязочный пакет и смочив его водой из фляги, протянутой Сергеем, протер лицо выздоравливающему на глазах кучеру.

– Повезло парню. В себя скоро придет? – Сергею не терпелось допросить свидетеля.

– Уже пришел, но пока в шоке. Ты как, рядовой?

– Мать честная, – прохрипел тот, пытаясь сесть. Сергей помог ему и, прислонив спиной к колесу спросил:

– Как зовут, парень?

Кучер, совсем зеленый парнишка, видать первогодок, в новеньком с иголки мундире, испуганно прижимался спиной к спицам и таранился на монахов.

– Да успокойся. Монахи мы. Мимо проезжали, ну и увидели, что тут разбой видать произошел. Как зовут, служивый?

– Игнатом, – кучер принялся отряхивать от пыли мундир и, схватившись за голову, спросил: – А где кивер?

– Сергей, поищи, куда его кивер укатился. Видишь, парень переживает? – Сергей обошел экипаж вокруг и, подняв найденный кивер, нахлобучил его на голову Игнату. Однако, тот сняв

фуражку-цилиндр, молча отставил ее в сторону и кивнул в сторону убитых офицеров.— Ихний, мой попроще.

— Да какая на хрен разница?— удивился Сергей, но пошел все же искать «попроще».

— Не положено,— Игнат, полез рукой за пазуху и, вытащив оттуда окровавленную ладонь, удивленно уставился на нее.— Эт, я чтоль ранен?

— Царапнуло слегка,— успокоил его Михаил.— Шрам, конечно, будет потом не большой, будешь перед девицами хвастаться. Сегодня и заживет. Кто напал, Игнаша?

— Не успел увидеть, батюшка. Сразушибануло в грудь,— сконфуженно признался парень.

— А куда ехали?

— В Москву, вестимо.

— Кто в карете-то был? Уволокли ведь их злодеи.

— Один был. Фельдь-егерь Командующего Фельдмаршала Кутузова Михаила Илларионовича. Майор Лицынский Иван Васильевич. Пакеты Его Величеству и Генерал-губернатору Москвы. Сундучок еще был с имуществом командующего для супружницы евоной, с оказией послан, стало быть. Чего в нем не ведаю. Должно гостинцы домашним фельдмаршал послал. Вот ведь напасть.

— Совсем ничего не успел увидеть? Может, услышал что-то?— Михаил передал Игнату протянутый Сергеем кивер.— Этот?

— Мой. Благодарствую,— Игнат нахлобучил кивер на русоволосую голову и с сожалением подергал оборванный витой ремешок.

— Ну, так что слышал?— повторил вопрос Михаил.

— Кричали вестимо, но не по-нашему. Я уж под карету слетел и в голове сверк. Благим матом крыли. Токма я не понял. «Морда» будто кричал кто-тось.

— Мерде. Это по французски дерьмо. Французы, конечно, кто же еще. Сергей, что там со следами?

— На север вроде ушли, есть тут копыта. Я конечно не Монтигомо и не Карацупа, но всего их с десяток было. Выгребли «почтаря» с ларцом и подались в свою сторону. Догонять будем аль как?

— Само собой. Нужно выручать почтальона. Он-то не при делах. Надо же, на разведку наполеоновскую нарвались. Ты как, Игнаша, оклемался? На-ка вот флягу с водой и сухой паек. Тут не жирно, но сытно. Мы попробуем догнать французов, а ты тут разберись с лошадьми и убитыми.

— Дак, куда ж вы вдвоем и не оружно?— Игнат вскочил на ноги.— Я с вами. Вона у побитых ребят хоть сабли да пистолы возьмите.

— Это правильно ты подметил. Сергей, возьми оружие. А ты, Игнатий, здесь останься. Казенное имущество бросать нельзя. Растащат ведь сиволапы. Сведут лошадей в одночасье. Подумают, что брошены, раз убитые только рядом. И не спорь. У тебя еще рана не затянулась. Сиди и жди. Ясно?

— Так точно, батюшка,— козырнул Игнат и заковылял к лошадям.

— Ну, пока тогда,— Михаил вскочил в седло.— Жди до вечера. Потом уезжай. Вернись в Горки и доложи в штабе об инциденте.

— Про кого?— переспросил, не поняв Игнат.

— О случившемся нападении,— Михаил принял у Сергея одну из шпаг, снятых с убитых офицеров и, повертев ее, хмыкнул: — В самый раз клинок,— отъехав от дороги метров на пятьдесят свистнул, вызывая Филю и распорядился. — Следы видишь лошадиные? Пролети следом и доложи, что за люди, сколько и куда направляются,— Филя спикировал под брюхо Лерки и ушел низом в северном направлении. Вернулся же буквально через пять минут и бойко зачирикал:

– Двенадцать человек, конные уланы. В версте остановились. Лошадь у них ногу сломала, в нору влетела. Думают бросать так или горло все же перерезать. А хозяин ейный, Огюстом прозываемый, очень переживает и лубок норовит коню своему наложить. Жалеет, стало быть. Но капитан у них, злой, как черт и шпагой машет. Зарежут видать.

– Пленный фельдгегерь с ними?

– С ним двенадцать. Рот заткнули, руки прикрутили к туловищу. Качественно запеленали. Лицо заплыло, видать сопротивлялся при захвате.

– Веди. Лерка, пеленг на Филю.

Французов они застали все еще спорящих о судьбе покалечившейся лошади. Спешившись на полянке, размером с пятак, они обступили лежащую лошадь и, размахивая руками митинговали. Появившихся рядом вдруг двух монахов, разумеется, заметили и развернувшись, выставили «колюще-режущее» в их сторону.

– Всем заткнуться и слушать! – скомандовал Михаил. – Смирно! – французы замерли, опустив сабли и шпаги.

– Кру-гом! – рывкнул Михаил. – В распоряжение части, бегом марш! – уланы дружно крунулись и молча помчались в сторону пушечной пальбы. На поляне остались лошади, на одной из которых сидел майор фельдгегерь, с заплывшим лицом и связанными руками.

– Сергей, развяжи майора, – Михаил присел на корточки рядом с пострадавшей лошастью и потрепал ее по морде. Лошадь дернулась, и из глаз ее потекли слезы.

– Ну, ничего. Закрытый перелом. Это мы сейчас поправим, – Михаил погладил лошадь и сунул ей в рот кусок сахара. – На, грызи и выздоравливай, там трещина, правда, с палец, но зато место простое, зарастет хрящем, и будешь бегать, как новенькая, – приговаривал он ласково, глядя лошадиную морду. А она грызла сахар и благодарно обнюхивала его руку, косясь глазом доверчиво, по-детски.

Пока Сергей разрезал веревки, и помогал майору спешиться, Михаил разобрался с лошадиной травмой. И даже поднял ее на ноги, предложив прогуляться. Лошадь, будто понимая, чего он от нее хочет, шагнула несмело на травмированную конечность и не почувствовав боли, радостно заржала.

– Ну вот, можешь попасться. Травы полно. Не жрамши пади весь день в засадах, да погонях, – лошадь повернула к нему благодарную морду и, всхрапнув удовлетворенно, принялась щипать траву, присоединившись к остальным одиннадцати.

С синяками на лице майора, Михаил справился еще быстрее, чем с лошадиной ногой, одновременно расспрашивая его о обстоятельствах захвата.

– Налетели басурманы, я и удивиться не успел. Ведь тыл наш. Сколь верст? Десять-то уж всяко есть, – сетовал Лицынский Иван Васильевич – личный фельдгегерь Его Императорского Величества Александра – I.

– Что ж вы без охраны практически? – удивился беспечности почтарей Сергей.

– Да сколько же ее для пары донесений надобно? Батальон или роту посылать? Мы же ежедневно скачем. Каб, не сундук фельдмаршальский, так и я бы конно шел. А тут оказия случилась. Экипаж Генерал-губернатор прислал фельдмаршалу. Со всеми удобствами решил прокатиться. Прокатился, ядрена вошь, – Иван Васильевич, потрогал опухший нос, который еще пять минут назад был похож цветом на перезревшую сливу, а теперь принимал нормальный окрас и размер.

– Лихо вы с французами-то, батюшка, разобрались. Как это они вас послушались? Слышал я, что есть такая способность у некоторых. Гипнотизмом именуемая. Уж не ей ли обладаете?

– Ей самой, Божьим попущением, – подтвердил Михаил. – Басурмане весьма гипнабельны все поголовно. Наших православных это умение не пробирает, потому как покров на них Божий. А эти сразу, как крысы под волшебную дудку. Что велишь, то и исполняют.

– Так вас надобно впереди Арьергарда выставить и вы эдаким манером всех басурман обратно завернете,— обрадовался пришедшей мысли майор.

– Не получится, Иван Васильевич. Много их там. Не поддадутся в такой массе.

– Жаль, а то бы и войне враз конец,— вздохнул Лицынский с сожалением.

– А как же удаль и слава? Награды, опять же?

– Да пропади они пропадом. И слава и награды. Сколь мужиков молодых на поле костями ляжет под Бородино? А у всех семьи. Отцы, матери. Слез сколько нынче прольется? Сирот сколько останется? Эх! Удаль!

– Отечество в опасности, Иван Васильевич, тут уж выбирать не приходится. Вы свои донесения-то проверьте, на месте ли. Я ведь французов шугнул, а об этом не подумал. Если что, придется опять догонять. Пока далеко не ушли, проверьте.

Лицынский кинулся к сумке почтовой. С широченным ремнем, она висела переброшенная через лошадиный круп, закрепленная за подседельные ремни с другой стороны.

Майор живенько сдернул ее и полез проверять пакеты.

– Все на месте. Печати, правда, взломаны, но прочитать тут не так просто, шифрованные донесения,— улыбнулся он торжествуя.— А печати все одно сломали каналы. Капитан у французов, с носом как у дятла, видать любопытствовал. Да не тут-то было. Мусью. Вот извольте убедиться, господа,— майор протянул Михаилу мелко исписанный лист и Михаил, щелкнув пальцами прочел вслух:

– Счастлив сообщить Ваше Величество, что вверенная мне Армия отступила к деревне Бородино, что в сотне верст от Первопрестольной и здесь намерены мы дать неприятелю бой. Боунапартый превосходит нас по количеству людей и пушечному вооружению, но дух русский крепок и армия Вашего Величества готова биться за Отечество не жалея живота своего...— Михаил подмигнул опешившему майору.— Михаил Илларионович Государю верноподданейше доносит, что супостата в Москву не пустит.

Лицынский вложил лист в конверт из плотной серой бумаги и, озадаченно повертев его, произнес:

– Вам, батюшка, с такими талантами к нам в фельдъегерскую службу поступать следует. Большую пользу можете принести Отечеству.

– Спасибо, Иван Васильевич, но сами видите, я уже выбрал стезю и менять ее не собираюсь. Без меня как-нибудь обойдетесь. Шифр просто в этот раз применен Кутузовскими писарями самый заурядный. Я вам более подходящий могу предложить,— Михаил быстренько объяснил несколько схем майору и тот удивленно слушал, следя за грифелем карандаша, которым Михаил выписывал значки и схемы прямо на конверте.

– Всенепременно воспользуемся,— кивнул он.— Действительно и просто и коль не знаешь откель плясать, так и в сто лет не прочтешь. Цифирь и цифирь бессистемная. А это с черточками и вовсе проще пареной репы, только лист чтоб не полный, да знать, с какой книги зачеркнуто. Договорись, да при себе имей. Хоть Библию, хоть молитвослов. Изрядно выдуманно. Спасибо, батюшка. В полевых условиях удобно. Положил и читай. Даже и дешифровщик не надобен. А коль вестовой перехвачен будет, так противнику, опять же, не прочесть, коль не знает на чем зачеркивалось. Толково.

– В сундуке фельдмаршал, презенты семейству посылает или тоже государственное имущество?— поинтересовался Михаил, кивнув на сундук, не большой, но выполненный качественно и окованный металлическими полосами вдоль и поперек.

– Михаил Илларионович просил доставить в Санкт-Петербург. Видать жалование супруге передает, ну еще может и прикупил чего для дочерей. У него их пятеро, да и внучат уже десяток пади,— майор похлопал по крышке сундучка, притороченного к лошадиному седлу и лошадь обремененная поклажей, перестав щипать траву, недовольно дернулась, будто пытаясь избавиться от ноши.

– Тяжелый? Видать натер бок кобыле-то. Вон как таращится не довольно,– посочувствовал животному Михаил.

– Да с пуд всего, просто трет углами, вот ей и в досаду,– Лицынский подтянул ремни крепежные, смещая сундучок плотнее к седлу.– Потерпи, роднуля, сейчас вернемся и разгрузим тебя,– бормотал он при этом добродушно.

Глава 6

Игнат уже выпряг убитую лошадь и с помощью проезжающих мимо крестьян, оттащил ее в сторону. Увидев вернувшегося фельдъегеря с лошадьми, кинулся на встречу радостный с румянцем во все щеки. Тут же принялся выбирать недостающую экипажу лошадь и повел запрягать. При этом восторженно размахивал руками и пытался расспросить: -Как же вы вдвоем справились, аль помог кто?

– Бог помог, Игнаша,– Михаил отстегнул сундучок и перенес его в карету, подняв за две ручки из кованой стали болтающихся с двух сторон. Весил сундучок не более пару десятков килограмм и закрывался, как и положено сундукам крышкой накладной сверху. Поставив сундучок на сиденье кареты, Михаил дернул крышку, проверяя заперта ли и, она откинулась, демонстрируя содержимое.

– Иван Васильевич, так вам что фельдмаршал не запертым сундук передал?– спросил он у подошедшего фельдъегеря.

– Вполне заперт был, и даже ключ не был вручен. Дескать, у супруги свой имеется,– майор рассматривал содержимое посылки фельдмаршальской с выражением досады и беспокойства на лице.– Списочек, правда, у него в письме для супруги имеется. Предупредил передавая. Ей, мол, отчитаетесь по прибытии.

– Не знал, что фельдмаршал столь щепетилен. Бюрократ?

– Порядок любит. Как же без него? В своем праве,– возразил Лицынский.

– Бог с ним. Проверьте все ли на месте. Похоже, что взломали французы коробок, любопытствовали вишь ли.– Фельдъегерь отправился за сумкой почтовой, а Михаил, разыскав среди свертков и пакетов малахитовый ларец, вынул из него СТН и облегченно вздохнул. Цель достигнута.

Как попал к фельдмаршалу ларец, можно было только предполагать, видимо среди трофеев оказался. Или презентовал кто-то, тем более что версия с трофеем была сомнительна. Не до трофеев пока было русской армии, постоянно отступавшей.

Лицынский принялся проверять содержимое, сверяясь с реестром, составленным собственноручно Кутузовым и, облегченно вздохнул, убедившись, что все в целости и французами не расхищено.

– Как сию безделицу фельдмаршал наименовал? – Михаил указал на малахитовый ларчик.

– Сие у него означено как "Камень-малахит с барельефом",– Майор принялся укладывать все обратно и, захлопнув крышку, перетянул сундучок ремнем.– Так оно надежнее, говорят супруга у фельдмаршала весьма строгая особа.

– Не доводилось встречаться?

– Не имел чести,– улыбнулся фельдъегерь. Вы теперь куда, господа?

– Мы в Бородино. Счастливо добраться до Москвы.

– И вам того же,– майор шагнул внутрь экипажа, пожав руки спасителям и скомандовал: – Поехали, Игнат,– экипаж запыхал в сторону Москвы, уводя за собой вереницу трофейных лошадей.

– Ну что СТН?– Сергею не терпелось убедиться в положительном результате затянувшейся, по его мнению, командировке.

– Что-то с ним не так – не активный абсолютно, будто пустой. Ноль реакции. М.Э нет совсем. Золотишко не просят.

– И что это означает по твоему мнению?

– Думать нужно. Возможно, что пришел в негодность. В конце концов, вещей вечных не бывает. Хуже, если им удалось найти такого донора, в которого они влезли каким-то образом без дополнительной аппаратуры.

– Разве такое возможно? Вроде бы нет.

– Есть в этом проекте некоторые аспекты не изученные. При сильной эмоциональной встряске донора, может создаться спонтанно такая ситуация, что «нанообормоты» выскочат из СТН и внедряться. Даже сами того не желая. Недаром же люди пережившие различные катаклизмы и несчастные случаи, приобретают частенько паранормальные способности. История просто пестрит такими примерами. Тот же Наполеон. Ты знаешь сколько раз Бонапарт чуть не сыграл в ящик, пока не стал Императором? Раз десять, как минимум – это только зафиксированных по свидетельству очевидцев. Например, в Итальянском походе, еще будучи генералом, он в 1796-ом выжил после удара молнией, буквально чуть ли не в него. Лошадь, рядом стоящая, на себя приняла основной разряд, а сам Бонапарт провалялся целый месяц после этого желтый, как мумия. Лихорадка напала. Думали что загнется. Оклемался и потом вообще страх потерял. Лез, как ненормальный под пули и ядра. По госпиталям чумным шлялся и несколько покушений пережил самым чудесным образом. Есть у меня подозрение, что подцепил он инфекцию тогда в 1796-ом. Наноинфекцию. И до сих пор «наноинфицированным» пребывает. Отсюда и все успехи его необыкновенные. «Ведут» парня изнутри к власти и золоту. Ишь, как любит собирать. А вот ларец как попал к Кутузову – это вопрос. Помнишь Наполеон про похищенную у него «табакерку» брякнул там, в Фомкино? Не о ларце ли сетовал, научившись открывать его. Вполне на табакерку похож.

– Значит, нужно к нему поспешить и «нононистов» этих нейтрализовать. Ты же в двадцати метрах от него стоял, неужели не чувствовал ничего?

– Нет. Я пока с инфицированными людьми дела не имел. Только с «Троянами», но с ними проще. Они, как ни крути, но все же машины. А вот как эти бестии в людях пребывают и как из них действуют, и прячутся как? Это мне пока не понятно. Тем более определить есть они там или нет. Мы ведь за прибором гонялись, на него и металлодетектор настроен, а в носителе живом, как их распознаешь? Только по плодам деятельности. В этом смысле Наполеон явно «инфицирован».

– Пошуруй у него в извилинах. Ты же можешь.

– Попробую. В общем, поворачиваем обратно, – Михаил швырнул в кусты переломанный несколько раз СТН и отряхнул ладони. А через час они опять въезжали в Валуево, остановленные аванпостами обеих противостоящих армий несколько раз.

Деревушку уже снесли напрочь для устройства позиций, и только печные трубы напоминали о том, что когда-то здесь стояли избы. Так же как и на стороне русской, здесь все двигалось и галдело. Громыхали колеса пушек, и ездовые так же орали заполошно друг на друга, размахивая кнутами. Великая Армия готовилась к битве.

Повернув в сторону Фомкино, парни обогнали несколько походных колонн и пристроились в хвосте полка драгунов, сверкающих начищенными касками.

Конские хвосты на них развевались воинственно и, вздыбливаясь, делали похожими всадников на огородные пугала, но сами французы полагали, что это украшение делает их выше и устрашает неприятеля.

Пыль из под тысяч копыт, поднималась серым облаком над головами и парни, отплевываясь, попытались объехать движущихся конников лесом, который оказался забит войсками на столько, что просто шагу ступить было негде. Обозы, лазареты и прочие тыловые части, типа сапожных и оружейных мастерских, заполнили его, мешая проезду. Пришлось возвращаться и глотать покорно пыль вместе с французской пехотой.

Порадовал Филя, прилетевший и доложивший, что Бонапарт сидит пока там же у казначейских фургонов, полон дум.

– Видать еще не отошел от твоего сюрприза,– Сергей расплылся в улыбке.

Фомкино тоже снесли уже к чертовой матери и последняя избенка разобранная, загружалась на подводы, раскатанная по бревнам. Французы, взявшие с огромными потерями Шевардино, выдвигались вперед и выходили на оперативный простор на виду у русской армии. Пушки и с той и другой стороны пристреливались с вновь занятых позиций и ядра со свистом рассекая воздух, мелькали над полем их разделяющим.

«Два дня мы были в перестрелке...»,– продекламировал Сергей.

Императора Франции они обнаружили сидящим в окружении маршалов, как всегда с ногой на услужливо подставленном адъютантом барабане. Похоже, что это был специально для этого предназначенный барабан. Нравилось Наполеону, очевидно, слова свои, веско подтверждать ударом каблука по туго натянутой коже. Вот и сейчас он что-то выговаривал вытянувшимся перед ним подчиненному и слегка постукивал каблуком, выбивая ритм неспешный, но слова очевидно при этом, по мнению Императора, вдалбливались инструктируемому доходчивее.

На каждый удар ногой, следовал подобострастный кивок головой, выслушивающего распоряжения генерала или маршала и с расстояния в полсотни шагов наблюдать за этим было даже занимательно.

Удар – кивок. Два быстрых удара – два торопливых кивка.

Ближе их не подпустила охрана из усаых и неразговорчивых гвардейцев, молча перекрывших подходы и стоящих с винтовками плечо к плечу.

– Отсюда достанешь?

– Пробую, пока ноль,– Михаил спешил и пошел вдоль строя, выискивая глазами офицера, отвечающего за охрану Бонапарта с этой стороны. Спрашивать стоящих хмурых гвардейцев было бессмысленно. Судя по их лицам, сегодня им вставили такой «фитиль», что дай только повод и, порвут в клочья.

Приметив офицера с эполетами полковника в гвардейском мундире о чем-то беседующего с таким же гвардейцем, но капитаном, Михаил направился к нему и, представившись, протянул маршальскую охранную грамоту.

Полковник смерил назойливого монаха быстрым взглядом колючих, черных глаз и, шевеля нервно тараканьими усами, принялся дотошно изучать предложенный ему документ.

Прочитав, небрежно сунул бумагу обратно Михаилу и произнес скрипучим голосом:

– От меня, святые отцы, чего изволите приобрести?

– Содействия, мсье полковник,– поклонился Михаил, приложив руку к груди.

– В чем?– полковник вздернул подбородок, гладко выбритый до какой-то нереальной синевы и, прищурившись, уставился в глаза Михаилу с выражением презрительно-настороженным. Возможно, ожидая каких-то неимоверно трудных от него усилий под этим пока расплывчатым определением и прикидывая, куда послать этих некстати появившихся просителей, а главное как, чтобы не побежали тут же с жалобой к маршалу, коего покровительство продемонстрировали.

– Нам необходима аудиенция Его Императорского Величества,– смиренно потупил глаза Михаил.

– Не может быть и речи,– тоном, не терпящим возражений, тут же выпалил полковник.– Императору не до вас. У вас побрякушку сперли в аббатстве, а тут у нас целая казна армейская украдена и вон видите, Император не бежит, как идиот, отвлекая всех, а сидит, и готовится к баталии. Идите себе мимо, святые отцы. Ей Богу не до вас всем,– полковник отвернулся, давая понять, что разговор окончен и очень удивился, услышав:

– Император и не должен бегать, для этого у него есть нижестоящие исполнители. Но у нас есть подозрения, что тот злодей, которого мы ищем, имеет прямое отношение и к казне пропавшей.

– Что-о-о? С этого и нужно было начинать,– полковник даже подпрыгнул от радости, услышав с утра первую хорошую новость.– Я немедленно доложу Его Величеству о вашем заявлении, но, не сносить вам головы, святые отцы, если это уловка и вы станете ныть о своем, а о только что сказанном не упомянете. Сдеру лично сутаны, не обессудьте, но шомпола у нас в достаточном количестве. Присмотрите за ними, Антуан,– бросил он уже на бегу капитану и, проскочив за оцепление, быстрым шагом направился к стучащему имперскому барабану. Там откозырял и быстро все выложил Наполеону, кивая головой в сторону монахов, требующих аудиенции. Наполеон оживившись, ногу с ударного инструмента убрал и повернулся в сторону просителей. Затем кивнул и снова взгромоздил теперь уже оба ботфорта на злополучный барабан. Причем сделал это с грохотом и, скрестив руки на груди, уставился перед собой немигающим взглядом.

– Прошу, мсье монахи,– полковник хлопнул по плечу гвардейца.– Пропустить,– и тот, шагнув вперед и в сторону, замер в ожидании прохода просителей, после чего молча вернулся в строй, лязгнув ружейным прикладом.

На приветствие монахов Наполеон отреагировал сдержанно. Даже позы не переменив, произнес:

– Слушаю вас внимательно!

– Мы имели уже честь изложить свою нужду, приведшую нас в Великую Армию Вашего Величества Вашему маршалу – Герцогу Эльхингенскому и он соизволил оказать нам свое покровительство, проявив сочувствие и понимание,– начал Михаил, пытаясь одновременно «просканировать» мозги Императора Наполеона-I.

– К сути дела, мсье,– перебил его тот.

– Это было вчера. Сегодня мы узнали, что у вас расхищена неизвестными злодеями казна и помолясь, Божьим повелением, мы берем на себя смелость заявить, что злодей ограбивший аббатство причастен и к этому преступлению,– закончил Михаил, перед мысленным взором которого замелькали какие-то женские лица в кружевах и криолине. Император, очевидно, вспоминал один из балов и именно обрывки эти сейчас мельтешили, не позволяя понять, что там в голове еще есть, кроме них.

– Это я понял и, что как зовут злодея теперь, вы не знаете, тоже. Прикажете выстроить Армию во фронт, а вы пройдетесь и опознаете негодяя? Мне для этого нужно всего лишь отменить завтрашнюю баталию с Циклопом. Напишу-ка я ему депешу, чтобы приостановил возведение укреплений. Обстоятельства у меня уважительные. Казну Армии похитили. Думаю, что должен войти в положение и уважить,– Наполеон даже развеселился, растянув тонкие губы в саркастической ухмылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.